

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

**Современные проблемы общественных наук
в мире**

Выпуск V

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(11 июня 2018 г.)**

г. Казань

2018 г.

**Издатель Инновационный центр развития образования и науки
(ИЦРОН), г. Нижний Новгород**

УДК 3(06)
ББК 60я43

Современные проблемы общественных наук в мире./ Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 5. г. **Казань**, 2018. 31 с.

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук Арефьева Ирина Александровна (с. Краснореченское), кандидат исторических наук, доцент Арчбасова Надежда Анатольевна (г. Волгоград), доктор философских наук, профессор Билогур Влада Евгеньевна (Украина, г. Мелитополь), доктор социологических наук, доцент Бондаренко Галина Ивановна (г. Краснодар), кандидат философских наук Бреслер Михаил Григорьевич (г. Уфа), доктор политических наук, профессор Вартумян Арушан Арушанович (г. Пятигорск), доктор философских наук, доцент Воденко Константин Викторович (г. Ростов-на-Дону), доктор философских наук, профессор Воронкова Валентина Григорьевна (Украина, г. Запорожье), кандидат социологических наук Жегусов Юрий Иннокентьевич (г. Якутск), доктор философских наук, профессор, старший научный сотрудник Зинченко Виктор Викторович (Украина, г. Киев), кандидат философских наук, доцент Канц Наталья Александровна (г. Ставрополь), доктор исторических наук, профессор Малышева Елена Михайловна (г. Майкоп), доктор политических наук, доцент Марков Евгений Алфеевич (г. Череповец), доктор социологических наук, доцент Маслова Татьяна Федоровна (г. Ставрополь), кандидат социологических наук Насыбуллин Алексей Альбертович (г. Казань), кандидат философских наук Осина Оксана Николаевна (г. Саратов), доктор социологических наук, профессор Ростовская Тамара Керимовна (г. Москва), кандидат исторических наук, доцент Соловьянов Николай Иванович (г. Красноярск), доктор исторических наук, член-корреспондент РАН Сопов Александр Валентинович (г. Майкоп), кандидат исторических наук Туфанов Евгений Васильевич (ст. Новомарьевская), доктор исторических наук, профессор Шебзухова Татьяна Александровна (г. Пятигорск).

В сборнике научных трудов по итогам V Международной научно-практической конференции «**Современные проблемы общественных наук в мире**», г. **Казань** представлены научные статьи, тезисы, сообщения аспирантов, соискателей ученых степеней, научных сотрудников, докторантов, преподавателей ВУЗов, студентов, практикующих специалистов в области общественных наук Российской Федерации, а также коллег из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, не подлежащих открытой публикации. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов. Материалы размещены в сборнике в авторской правке.

Статьи, принятые к публикации, размещаются в полнотекстовом формате на сайте eLIBRARY.RU.

© ИЦРОН, 2018 г.
© Коллектив авторов

Оглавление

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.00)	6
СЕКЦИЯ №1. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.02)	6
СЕКЦИЯ №2. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.03)	6
СЕКЦИЯ №3. АРХЕОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.06)	6
СЕКЦИЯ №4. ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.09)	6
СЕКЦИЯ №5. ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.10)	6
СЕКЦИЯ №6. ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.15)	6
ЭТНОГРАФИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.07)	6
СЕКЦИЯ №7. ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.07)	6
ПОЛИТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.00)	6
СЕКЦИЯ №8. ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.01)	6
СЕКЦИЯ №9. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.02)	6
СЕКЦИЯ №10. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.03)	6
СЕКЦИЯ №11. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.04)	7
СЕКЦИЯ №12. ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.05)	7
СЕКЦИЯ №13. КОНФЛИКТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.06)	7
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.00)	7
СЕКЦИЯ №14. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.01)	7

СЕКЦИЯ №15.	
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ	
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.03)	7
СЕКЦИЯ №16.	
СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ	
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.04)	7
СЕКЦИЯ №17.	
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.05)	7
СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И ДОВЕРИЕ КАК ФАКТОРЫ КОНСОЛИДАЦИИ	
ОБЩЕСТВА	
Кухарчук Д.В.	7
СЕКЦИЯ №18.	
СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.06)	10
СЕКЦИЯ №19.	
СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.08)	10
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.00)	10
СЕКЦИЯ №20.	
ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ	
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.01)	11
СЕКЦИЯ №21.	
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.03)	11
ГЕНЕЗИС ИДЕЙ КОММУНИТАРИЗМА В КОНТЕКСТЕ ПАРАДИГМЫ	
ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ	
Волкова Т.П.	11
ЕВРЕЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ ДИСКУССИИ ФИЛОСОФИИ,	
ИСТОРИИ И ЭТНОЛОГИИ	
Мордасов В. Г.	14
СЕКЦИЯ №22.	
ЭСТЕТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.04)	17
СЕКЦИЯ №23.	
ЭТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.05)	17
СЕКЦИЯ №24.	
ЛОГИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.07)	17
О ТАБЛИЧНОЙ ПАРАНОРМАЛЬНОЙ ЛОГИКЕ PAR(2)	
Попов В.М.	17
О ТАБЛИЧНОЙ ПАРАНОРМАЛЬНОЙ ЛОГИКЕ PAR(3)	
Попов В.М., Солощенко А.А.	22
СЕКЦИЯ №25.	
ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.08)	25
ВКЛАД ГЕРБЕРТА СПЕНСЕРА В РАЗРАБОТКУ ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ	
ФИЛОСОФИИ, РЕЛИГИИ И НАУКИ	
Ташлыкова Н.Ю.	25
СЕКЦИЯ №26.	
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.11)	28

СЕКЦИЯ №27. ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.13).....	28
ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2018 ГОД.....	29

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.00)

СЕКЦИЯ №1.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.02)

СЕКЦИЯ №2.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.03)

СЕКЦИЯ №3.

АРХЕОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.06)

СЕКЦИЯ №4.

**ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.09)**

СЕКЦИЯ №5.

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.10)

СЕКЦИЯ №6.

**ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.15)**

ЭТНОГРАФИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.07)

СЕКЦИЯ №7.

**ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.07)**

ПОЛИТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.00)

СЕКЦИЯ №8.

**ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.01)**

СЕКЦИЯ №9.

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.02)**

СЕКЦИЯ №10.

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.03)**

**СЕКЦИЯ №11.
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ,
ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.04)**

**СЕКЦИЯ №12.
ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.05)**

**СЕКЦИЯ №13.
КОНФЛИКТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.06)**

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.00)

**СЕКЦИЯ №14.
ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИИ
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.01)**

**СЕКЦИЯ №15.
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.03)**

**СЕКЦИЯ №16.
СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.04)**

**СЕКЦИЯ №17.
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.05)**

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И ДОВЕРИЕ КАК ФАКТОРЫ КОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВА

Кухарчук Д.В.

Всероссийская академия внешней торговли, г. Москва

Тема социального капитала и доверия в последние годы постоянно находится в поле зрения научного сообщества. Устойчивый интерес исследователей к данной проблематике вызван возрастающим влиянием этих факторов на все сферы жизни современного социума. Социальный капитал и доверие непосредственно включены в механизм, обеспечивающий консолидацию и стабильность общества. Подчеркивая роль доверия в организации общественной жизни, известный американский социолог А. Селигмен отмечает, что власть, господство и насилие на какое-то время могут решить проблему социального порядка, но «они не способны сами по себе обеспечить основу для поддержания этого порядка в долговременной перспективе... Любая перспективная попытка построения социального порядка и целостных систем социальных взаимодействий должна быть основана на развитии стабильных отношений взаимного доверия» [5, с.7].

Роль социального капитала и доверия в устойчивом развитии общества, усилении консолидирующих процессов нашла отражение в ряде фундаментальных работ представителей самых различных отраслей научного знания. Некоторые исследователи придают этой роли универсальное значение. Так, известный американский философ, социолог и политолог Ф. Фукуяма в своей работе

«Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию» отмечает, что благополучие общества, как и его способность к конкуренции и развитию, обусловлены одной универсальной культурной характеристикой – уровнем доверия, присущим данному обществу [6, с. 20 -21].

В большинстве социологических интерпретациях социальный капитал выступает как потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, который целенаправленно сформирован в виде обязательств и ожиданий, информационных каналов и социальных норм. Социальный капитал еще менее осязаем, чем человеческий капитал, поскольку он существует только во взаимоотношениях индивидов. Функциональное назначение социального капитала заключается в регуляции жизнедеятельности социума, оптимизации взаимодействия индивидов, групп и общностей в процессе их совместной деятельности.

Рассматривая социальный капитал как способность людей к совместным действиям ради достижения общей цели, многие социологи полагают, что этот феномен присущ в первую очередь гражданскому обществу и содержится в таких элементах общественной организации, как социальные сети, социальные нормы и доверие, создающие условия для координации и кооперации с целью получения взаимной выгоды. Запасы социального капитала – доверие, нормы, структуры – способны воспроизводить друг друга. В результате оформляется социальное равновесие того типа, которому свойственны высокая степень кооперации, гражданская вовлеченность, коллективное благосостояние. Общественное доверие, нормы взаимности, структуры гражданской вовлеченности, взаимно питая друг друга, способствуют социально-экономическому развитию общества, его интеграции и консолидации.

Структурным условием существования социального капитала является способность граждан к самоорганизации в формах ассоциаций, объединений взаимопомощи для решения значимых для общества вопросов. Сети гражданской активности, основанные на общности взглядов, ценностей и норм, способствуют трансформации межличностного доверия в институциональное доверие, что позволяет социальным институтам функционировать более эффективно. «Эффективно взаимодействующие институты нуждаются в межличностном доверии, - подчеркивает известный американский социолог и политолог Р. Патнэм, - но это доверие, в свою очередь, поддерживается организационным сотрудничеством» [4, с.224].

Соотношение уровней институционального и межличностного доверия является важным индикатором социально-политического «здоровья» общества, его консолидации. Как показывают различные социологические и политологические исследования, возможны четыре варианта такого соотношения:

- межличностное и институциональное доверие выше среднего: общество обладает значительным социальным капиталом, а власть, в свою очередь, способствует его сохранению и воспроизводству;

- высокий уровень межличностного доверия при низком уровне доверия институционального: общество существует автономно от власти;

- высокий уровень институционального доверия при низком уровне доверия межличностного: социум не может функционировать самостоятельно, он практически полностью зависит от властных инициатив;

- низкое межличностное и институциональное доверие: социальные взаимодействия в обществе парализованы, власть не способна контролировать ситуацию, координированные действия сильно затруднены ввиду взаимного недоверия [3, с.54].

Таким образом, высокий уровень межличностного и институционального доверия способствует установлению социально-политической стабильности, увеличению гражданской и политической активности населения, расширению сферы публичной политики. Напротив, дефицит социального капитала порождает дезорганизацию общественной жизни, ограничивает возможности добровольной кооперации и сотрудничества граждан в достижении любых общих целей.

В структуре социального капитала заметное место занимает политическое доверие, которое, по определению российских социологов П. М. Козыревой и А. И. Смирнова, означает уверенность граждан в правильности действий тех или иных политических сил, институтов, государственных деятелей, в их способности реализовать провозглашённые цели и программные установки, готовность оказывать им поддержку. И в то же время политическое доверие – это не только доверие к тем или иным политическим субъектам, но и доверие к политике в целом. Оно в определённой мере отражает уровень развития политической культуры, характеризует отношение граждан к конкретным субъектам политической жизни, выступает одним из важнейших показателей их авторитета [2, с. 81].

Среди факторов, оказывающих влияние на политическое доверие, исследователи, прежде всего, выделяют удовлетворенность внутренней политикой, в первую очередь политикой в социально-экономической сфере. Удовлетворенность внешней политикой, как считают некоторые исследователи, не

является столь влиятельным фактором, определяющим политическое доверие в гражданском обществе. Доверие к институтам власти также связано с ценностно-мотивационной сферой избирателей, их социальными установками, политическими позициями и предпочтениями. Так, по данным социологических опросов, основными факторами доверия избирателей к политическим партиям являются:

- представления избирателей о наличии сплоченной и достойной команды;
- представления избирателей о конкретных делах партии;
- представления избирателей о наличии средств и ресурсов для выполнения обещаний и поставленных целей, уверенность в победе партии;
- понимание и принятие избирателями целей и задач, идеологии и программы партии.

Исследователи различают два основных типа мотивации политического доверия: рациональный и психологический. В первом случае граждане оценивают то, как правительство или политические лидеры могут отстаивать их интересы (или интересы их социальной группы) и в зависимости от этой оценки занимают определенную позицию, оказывая или не оказывая доверия. Такое доверие может возникать в результате предыдущих действий правительства или, например, принадлежности политика к той же социальной группе, что и его избиратели. Психологический тип мотивации политического доверия предполагает, что граждане оценивают институты власти и политиков, исходя из определенных нравственных принципов и моральных ценностей. Чаще всего граждане сочетают рациональное и психологическое доверие институтам и политикам, пытаясь найти баланс между максимизацией политической выгоды и соответствием правящей элиты этическим и моральным критериям.

Как показывает практика, дефицит политического доверия ограничивает возможности властей и снижает активность граждан, препятствует развитию интеграционных процессов в обществе, тормозит принятие и реализацию конструктивных социальных проектов. В то же время, как считают некоторые отечественные исследователи, чрезмерное доверие к институтам власти может затруднять контроль над ними со стороны гражданского общества. Поэтому, для того чтобы политическое доверие способствовало развитию демократических процессов, его уровень не должен характеризоваться экстремальными показателями [2, с. 87].

Новые возможности в изучении социального капитала и доверия как факторов консолидации общества открывает социокультурный подход, который получил наиболее полное выражение в работах известного польского социолога П. Штомпки. Рассматривая доверие как культурный ресурс, способствующий реализации потенциала социальных взаимодействий, исследователь вводит в научный оборот два методологически важных понятия: «культура доверия» и «культура недоверия». Культура доверия является позитивным фактором для развития общества. Она способствует открытым, спонтанным действиям инновационного характера, поднимает уровень мобилизации, активности населения, стимулирует интенсивность социальных взаимодействий. Распространение культуры доверия повышает ответственность властей, прозрачность социальных организаций, стабильность общественного порядка, соблюдение прав и обязанностей граждан. Противоположная картина складывается в случае распространения культуры недоверия, даже если это оправдано исторически. Культура недоверия, приводя к демобилизации, пассивности, осторожности, к увеличению социальных дистанций, к отчуждению, снижает субъективный потенциал общества, его способность к творческому, инновационному саморазвитию и самосовершенствованию. Более того, она порождает социальную дезорганизацию, нестабильность общественного порядка, произвол властей, бессилие граждан, нарушение прав и неисполнение обязанностей. В результате приходит в движение негативная спираль деградации социальных процессов, распространяя недоверие на все сферы общественной жизни [7, с. 300-305].

Теоретическая модель П. Штомпки особенно продуктивна для характеристики общества переходного типа. Как показывает исследователь, периодам быстрых изменений сопутствует атрофия социальной и моральной связи. В результате расширяется сфера социального отчуждения, неуверенности и непредсказуемости действий, увеличивается непрозрачность структур и организаций, проявляется нормативная аномия, хаотичность и несогласованность старых и новых законов. Это порождает кризис доверия ко всем общественным институтам. Для преодоления культурной травмы страны, вставшие на путь демократических преобразований, должны преуспеть в культурной трансформации. Их базовая проблема связана с тем, что сфера культуры инертна, меняется гораздо медленнее и сопротивляется переменам гораздо сильнее, чем любая другая область.

Важная роль принадлежит социальному капиталу и доверию в формировании и развитии гражданского общества. Как показано в подготовленной российскими специалистами ведущих научных

центров коллективной монографии «Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества», гражданскому обществу наряду с определенным запасом социального капитала необходима развитая культура доверия, которая понимается не только как комплекс исторически сформированных установок, норм и ценностей, но и как активно воспроизводимая в социальных практиках гражданского общества структура отношений, которая может сознательно планироваться и регулироваться. Такая культура подразумевает преобладание доверия, базирующегося на знании социального партнера, взаимном уважении и взаимовыгодном паритетном сотрудничестве на основе общих целей, ценностей и интересов. Эффективное гражданское общество — это общество, где добровольные объединения людей и государство выступают партнерами, где функционирование социальных институтов есть результат взаимодействия всех заинтересованных сторон, где поддерживается социальная ответственность бизнеса и любого гражданина, где преобладает атмосфера зрелых отношений доверия, а не слепой веры или страха [1, с. 6].

В современных условиях, когда происходят динамичные изменения основ социальной жизни, разрушаются привычные общественные ориентиры и модели поведения, в значительной мере усиливается роль социального капитала и доверия как факторов общественной и политической консолидации. В связи с этим приобретает особую значимость поиск новых путей повышения уровня социального капитала и доверия. В русле таких поисков сложилась концепция, которая связывает социальный капитал с сетевыми формами социальной организации. При этом большие надежды возлагаются на современные информационно-коммуникативные технологии, которые, как предполагается, способны заменить прежние, устаревшие и во многом формальные методы создания социального капитала.

Значение социального капитала и доверия особенно проявляется в периоды социальных перемен, глубокой трансформации общества. Для успешной реализации реформаторских проектов необходимо, чтобы доверие к новым институтам поддерживалось на оптимальном уровне. Анализ институциональных преобразований с позиций доверия показывает, что эффективная стратегия реформ должна предусматривать проведение политики, стимулирующей развитие стабилизационных и интеграционных процессов. В условиях российского общества такая стабилизационная политика предполагает сплочение различных групп и слоев населения, гармонизацию социально-экономических и социально-политических интересов, предотвращение острых политических, этнических, религиозных и иных конфликтов, достижение консенсуса по наиболее важным и острым вопросам общественной жизни, налаживание сотрудничества и тесного взаимодействия всех соперничающих политических сил.

Список литературы

1. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / отв. ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсияновой. — М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013. — 564 с.
2. Козырева П.М., Смирнов А.И. Политическое доверие в России: некоторые особенности и проблема оптимальности // Вестник Института социологии. 2015. № 12. С. 79-99.
3. Массовая политика: институциональные основания / под ред. С.В.Патрушева. — М.: Политическая энциклопедия, 2016. — 286 с.
4. Патнэм, Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии / Р.Патнэм. — М.: AdMarginem, 1996. - 287 с.
5. Селигмен А. Проблема доверия. М.: Идея-Пресс, 2002. — 200с.
6. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. / Ф. Фукуяма. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. — 730 с.
7. Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос. 2012. — 440 с.

СЕКЦИЯ №18.

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.06)

СЕКЦИЯ №19.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.08)

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.00)

**СЕКЦИЯ №20.
ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.01)**

**СЕКЦИЯ №21.
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.03)**

**ГЕНЕЗИС ИДЕЙ КОММУНИТАРИЗМА В КОНТЕКСТЕ ПАРАДИГМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО
РАЗВИТИЯ**

Волкова Т.П.

Мурманский государственный технический университет

Аннотация. В статье исследуется формирование и развитие коммунитаризма как философской концепции и политического течения; анализируется противоречивость коммунитаристских взглядов.

Ключевые слова: коммунитаризм, сообщество, практика, нарратив.

Общественные процессы второй половины двадцатого – начала двадцать первого столетия привели к значительному расширению прав этнических групп, развитию личности, утверждению индивидуальных и групповых прав и свобод, и одновременно к усилению асоциального поведения – насилия, терроризма, этнических конфликтов, что создало явную угрозу стабильности общества. В связи с этим в обществе возникла потребность в оздоровлении, в такой социальности, которая сочетала бы личностную и групповую автономию с социальным долгом и понятием социального блага. Все это привело к необходимости теоретической концепции, которая могла бы стать основой укрепления стабильности общества и оздоровления всех его сфер, в том числе и одной из наиболее важных областей общественного развития, от которой больше всего зависит наше будущее, – образования.

В ответ на это коммунитаристы предложили свою идейно-теоретическую парадигму, в соответствии с которой возможно оздоровление общества, укрепление его стабильности, развитие образовательной сферы. Растущая популярность коммунитаризма во многом обусловлена его идеологической нейтральностью, неприятием любого экстремизма.

Говоря о коммунитаризме, принято разделять его на политический коммунитаризм или коммунитаризм А. Этциони, который впервые заявил о себе в 1980 году, когда в США возникла “коммунитарная сеть” – движение интеллектуалов во главе с Амицаи Этциони, и философский коммунитаризм, основные идеи которого изложены в трудах А. Макинтайра, М. Сэндела и Ч. Тэйлора.

Коммунитаризм (от англ. “community” – сообщество) – это философское учение, выдвигающее на первый план социальную обусловленность личности общественными нормами и ценностями в противовес ничем не ограниченной свободе и асоциальному индивидуализму либеральной концепции. Основа философской концепции коммунитаристов заключается в том, что существуют многочисленные человеческие объединения, образованные по самым различным основаниям: языку, религии, культуре, профессиональной принадлежности и т.д. “Большое общество” состоит из множества сообществ, или подобществ, и, следовательно, полная идентификация общества возможна только через идентификацию этих подобществ. В этих сообществах второй ступени четко и определенно выражено ощущение “Мы”.

Важнейшей составной частью коммунитарной идеи, выраженной А. Этциони, являются два принципа: во-первых, каждое из сообществ должно иметь твердое представление о том, что оно является частью сообщества более высокого уровня; во-вторых, в каждом сообществе и обществе в целом права членов должны находиться в соответствии с их обязанностями. Нельзя расширять сферу прав человека за счет сужения сферы его обязанностей [Etzioni, 1995, 3]. Коммунитаристы разработали свою, достаточно стройную идейно-теоретическую парадигму, в соответствии с которой исследуются возможности оздоровления общества и укрепления его стабильности. В целом, оставаясь на позициях либеральной общественной мысли, они подвергают критике лишь те либеральные идеи, которые, по их мнению, не соответствуют потребностям современного этапа общественного развития, и, прежде всего, тезис о неограниченной индивидуальной свободе.

Особое внимание к коммунитаризму в начале XXI в. было обусловлено разочарованием в теории и практике современного либерализма, особенно это касается его крайних проявлений. Сторонники теории коммунитаризма полагают, что именно либерализм способствовал неуклонному распространению в обществе стяжательства, жадности, политического цинизма. С течением времени данные факторы стали преобладать над глубинными общественными сторонами жизни и привели к утрате жизненных устоев и духовному обнищанию и индивидуализации общества.

Действительно, суть процессов, происходящих в современном обществе, – как полагает З. Бауман, – это, прежде всего, “индивидуализация общества и тесно связанная с ней фрагментация социальной и политической действительности, включающая и фрагментацию социально-политического поведения каждого отдельного человека” [Бауман 2005, 132].

Оборотная сторона этих процессов фрагментации, состоит, по З. Бауману, в глубокой эрозии системы институтов, связанных с коллективным социальным и политическим действием, в кризисе гражданственности, в опустении агоры – места, где граждане обсуждали бы общественные вопросы, “места встреч, споров и диалога между индивидуальным и общим, частным и общественным” [Бауман 2005, 137].

Начало коммунитаризму, как философской концепции, положили монографии А. Макинтайра, М. Сэндела и Ч. Тэйлора [Макинтайр 2000, Sandel 1984, Taylor 1982], вышедшие в начале 80-х годов прошлого века, в трудах этих исследователей значительное место занимает морально-философская и социально-теоретическая критика либерализма. При этом объектом критической полемики был не классический либерализм локковско-гоббсовского типа, а неолиберальные теории, и, прежде всего концепция Джона Ролза, которая дополняет классическую модель требованием справедливости.

Философские позиции коммунитаристов имеют определенные различия, поскольку различаются те теоретические задачи, при решении которых они обратились к критике либерализма. Так, для М. Сэндела основной целью было показать ограниченность либерализма в решении таких задач, как формирование и развитие человеческой личности, привлечение людей к участию в общественной жизни. А. Макинтайр, прослеживая, как менялось понимание добродетелей в западной политической традиции, пришел к выводу о неспособности либерального общества воспитать современного человека в почтении к классическим добродетелям. Наконец, Ч. Тэйлор выдвинул свои аргументы против либерализма в ходе предпринятого им всестороннего анализа развития западной моральной и политической культуры.

Чарльз Тэйлор и Майкл Сэндел подчеркивают, что человек является общественным существом, большинство личностных характеристик которого, а также его права и обязанности сформированы социальными отношениями. Позицию коммунитариста Майкла Уолцера можно воспринимать как своего рода компромисс. Он считает, что современный индивидуум тоже скрывается в социальных, культурных и политических отношениях, но ведет себя по отношению к ним все более критично и мобильно (человек может выйти из какого-то сообщества, если отношения в нем кажутся ему обременительными, он может перейти в другое сообщество, или же, вернуться в то социальное объединение, в котором он находился ранее).

В своем обосновании объективности ценностей А. Макинтайр использует три ключевых понятия: практика, нарративное единство человеческой жизни и традиция. Главный его тезис сводится к утверждению “невозможно обосновать мораль вне исторического и культурного контекста”. Самые справедливые сообщества, по его мнению, – это такие, которые базируются на общих жизненных практиках.

Практика, согласно А. Макинтайру, предполагает определенный набор внутренних для нее благ, стандартов совершенства, коммунитарных парадигм и авторитетов. Участие в практике означает принятие человеком всех этих стандартов, авторитетов и парадигм, составляющих тот контекст, в рамках которого оценочные суждения приобретают свой объективный и рационально обоснованный характер. Поскольку человек может участвовать во многих практиках, чьи требования часто приходят в конфликт друг с другом, и поскольку ни одна практика не обеспечивает объективно обоснованного и рационального способа разрешения этих конфликтов, то А. Макинтайр вводит два других понятия.

Понятие “нарративного единства человеческой жизни”, с одной стороны, предполагает, что наши жизни – это разыгрываемые повествования, где мы выступаем одновременно и персонажами и авторами, а с другой стороны, означает, что именно этот повествовательный жанр и придает единство нашей жизни. Выбирая среди конфликтующих требований различных практик, человек как бы разворачивает повествование о своей жизни и принимает решение о том, в каком направлении и в какой форме будет развиваться его жизнь. Его выбор ни в коей мере не является произвольным: он обусловлен тем, что человек унаследовал из прошлого своей семьи, города, нации и т.д., а также на его выбор влияет то, членом каких

сообществ он является. Жизни отдельных людей не обособлены друг от друга; они включены в более широкие повествования о жизни различных сообществ, членами которых они являются. Среди этих повествований наиболее важная роль принадлежит традициям, которые складываются из множества практик и которые устанавливают для каждой практики ее статус и значение. Эта включенность людей в традиции и обеспечивает, согласно А. Макинтайру, контекст для рационального и объективно обоснованного выбора ценностей. «Я являюсь чьим-то сыном или дочерью....; я гражданин того или иного города, племени, нации. Отсюда то, что есть благо для меня, есть благо для того, кто воплощает эти роли. Как таковой, я унаследовал прошлое моей семьи, моего города, моего племени, моей нации и унаследовал различные долги, оправданные ожидания и обязательства. Они составляют данность моей жизни, мою моральную точку зрения. Это именно то, что придает моей жизни свойственную ей мораль» [Макинтайр 2000, 233].

Появление контекстуального коммунитаристского подхода привело к появлению концепции групповых прав (часто в ущерб индивидуальным или без учета универсальной значимости последних), а на практике к акциям, поддерживающим группы, которые признаны находящимися в худшем положении, чем остальные.

Один из основополагающих концептов коммунитаризма – сообщество, являющееся по мнению коммунитаристов опорой большого общества. А. Этциони так определяет само понятие сообщества: «Сообщество представляет собой основную ячейку большого общества, в которой осуществляются отношения Я-Ты, основанные на целях общественного существования, в то время как рынок является сферой, отношения внутри которой основаны на отношениях Я-ОН, ОНА, ОНО. Сообщества базируются на двух основах, обе из которых усиливают отношения Я-ТЫ. Во-первых, сообщества обеспечивают эмоциональные связи, которые превращают группы людей в социальные группы, напоминающие большие семьи. Во-вторых, они передают общую моральную культуру от поколения к поколению, при этом постоянно переформулируя данную моральную основу во времени. В сущности, присутствие групповых эмоциональных связей и совместной моральной культуры есть именно то, что определяет и отличает сообщества» [Etzioni 2001, 5-6].

Второй аргумент коммунитаристов касается скорее сути социальной структуры, нежели ее истоков. Люди, утверждают они, нуждаются в очерченных социальных ролях, позволяющих выстраивать отношения друг с другом и противостоять алчности и неограниченным амбициям. Подобные роли ограничивают и упорядочивают их желания. Именно поэтому здоровым обществом, или сообществом, можно считать лишь такое, где эти роли тесно увязаны друг с другом в едином комплексе.

Данная позиция основана на двух предположениях: первое сводится к тому, что худший удел человека – это не знать своего места в обществе, не иметь ясного, отчетливого статуса или роли, ибо именно неопределенность есть наибольшее препятствие процветанию человечества; и второе заключается в том, что в оптимальной социальной структуре подобные роли соотносятся одна с другой иерархически, результатом чего выступает гармоничное целое, пронизанное отношениями господства и подчинения. Между тем первое предположение губительно для свободы человека, тогда как второе несовместимо с принципом гражданского равенства. Историческим примером сообщества, более всего отвечающего двум этим предположениям, является социальный порядок, где статус даровался при рождении и где не признавался фундаментальный принцип равенства перед законом.

Коммунитаристы хотят соединить общественный порядок, характерный для доиндивидуалистского общества с постоянными социальными ролями, основанными на господстве и почтении, с широким диапазоном выбора и значительной мобильностью, что, по сути, является достижением европейского либерализма с его верой в человеческое равенство.

Внутри коммунитаризма существуют различные направления – и, следовательно, ведется постоянная дискуссия о тезисах, выдвинутых А. Этциони, но данная платформа остается справедливым изложением ключевых позиций политики коммунитаризма. Сообщество остается центральной концепцией, «поддерживаемой традиционными концепциями семьи, ценностей и образования» [Arthur 2000, 14]. Именно это последнее заявление вызвало наибольшее количество разногласий. Политический коммунитаризм, как можно сделать вывод, выглядит как теория, сглаживающая различия и способствующая созданию «нового морального, социального и общественного порядка». Британский исследователь Сеннетт утверждает, что Этциони «неправильно делает акцент на единстве как источнике силы в обществе и ошибочно опасается, что когда конфликты возникают в обществе, социальные связи находятся под угрозой» [Sennett 1998, 143]. В коммунитаризме, явно просматривается нелюбовь к политике и тенденция видеть опасность в плюрализме и

разнообразии, нравственный конфликт часто рассматривается как угроза возможности создания сообщества. Хотя совершенно очевидно, что разнообразие полезно для жизни в демократическом обществе, при условии, что мы культивируем отношения, основанные на взаимопомощи и сотрудничестве, поощряющие обсуждение проблемных моментов. Целью является не стремление к общему благу, о котором говорят многие коммунитаристы [Guttman and Thompson 1996, 92], а к такому образу жизни, в рамках которого люди смогут благополучно совместно существовать. Моральные разногласия будут сохраняться, и именно они являются ключом к тому, чтобы научиться уважать идеи, поведение и убеждения друг друга.

Список литературы

1. Arthur, J. Bailey, R. Schools and Community. The communitarian agenda in education, London: Falmer, 2000.
2. Баранов, Н. Политические идеологии. Коммунитаризм. [Электронный ресурс]. – URL:<http://nicbar.ru/politology/study/kurs-politicheskie-ideologii/166-lektsiya-10-kommunitarizm> (дата обращения 06.06.18.)
3. Бауман, З. Индивидуализированное общество. М. : Логос, 2005.
4. Давыдов, О.Б. Очевидность блага: этика коммунитаризма // Вопросы философии. 2017. № 4. С. 18–25.
5. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали. М.–Екатеринбург, 2000.
6. MacIntyre, A. The Spectre of Communitarianism, in Radical Philosophy, 70:35, 1995.
7. Sandel M. Liberalism and the Limits of Justice. Cambridge, Cambridge University Press, 1984;
8. Taylor Ch. Community, Anarchy and Liberty. Cambridge : Cambridge University Press, 1982.
9. Этциони, А. Новая глобальная архитектура: механизмы перехода // Полит.ру. Лекции. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.polit.ru/lectures/2009/03/27/lectures.html> (дата обращения 05.06.18.)
10. Etzioni A. Next: the Road to the Good Society. New York : Basic Books, 2001.
11. Etzioni, A. The Spirit of Community. – New York: Simon & Schuster, 1995.
12. Sennett, R. (1998) The Corrosion of Character. The Personal Consequences of Work in the New Capitalism. – New York: Norton, 1998.

ЕВРЕЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ ДИСКУССИИ ФИЛОСОФИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОЛОГИИ

Мордасов В. Г.

Соискатель кафедры философии Забайкальского государственного университета

Проблемами еврейской идентичности занимаются многочисленные исследователи, представляющие различные отрасли философии и науки и. Однако этот вопрос пока не решен, причиной чего является то, что определение природы еврейской идентичности, часто связано с мифоисторией. Например, мифологический характер носила концепция идентичности евреев, которая содержалась в тексте Торы, указывающей на богоизбранность как миссию евреев. В древности же появились мифы, в которых евреи воспринимались как угроза безопасности. Это можно подтвердить текстами Манефона, автора кровавого навета на евреев, которые якобы приносили Богу человеческие жертвы. Ответом на распространение этих мифов, становились произведения, авторами которых были евреи, такие как И. Флавий, стремившиеся оправдать свой народ. Значительное воздействие на формирование еврейского мифа в начале новой эры оказывали тексты Талмуда, рецепция которого евреями заключалась в принятии идей нацеливающих их на необходимость следования истине, содержащейся в Мишне. При этом эмоциональный накал Талмуда и обилие иносказаний приводили к тому, что в еврейской и нееврейской среде его смысл воспринимался амбивалентно. Среди католиков, Талмуд ассоциировался с антихристианством. Протестантские авторы также полагали своим долгом разоблачать евреев, которые якобы руководствовались заповедями, призывающими обманывать и убивать неевреев. Впоследствии миф о том, что евреи стремятся наживаться за счет неевреев, был повторен в публикациях представителей европейской литературы, таких как Дж. Милтон, И. Гёте, Шоу, Р. Эмерсон, Г. Мелвилл, Ч. Диккенс, В. Шекспир, М. Твен. Юдофобии отдавали дань

известные философы, такие как Ж. Ф. Вольтер, И. Фихте, Д. Мадзини, И. Кант, называвшие евреев нацией ростовщиков [3] .

В XIX в. еврейские мыслители смогли ответить на эти предубеждения, объединившись в движение за пробуждение еврейского самосознания. Среди раввинов, таких как Алкалай и Ц.-Г. Калишер, возникла идея необходимости возвращения на Святую Землю. Цельное воплощение сионистский миф получил у Г. Греца, А.-И. ha-Коhена Кука, М. Л. Лилиенблюма, Л. Пинскера, по мнению которых еврейское государство будет восстановлено Богом и евреями, прилагающими к этому сознательные усилия. Для сионистов вопрос различия между нациями решался с позиций биологии, подтверждавшей сионистский миф «научной» методологией. Восприятие нации как «расовой» общности было свойственно еврейской интеллектуальной элите, раввинам и политикам, таким как Г. Герцль, Б. Борохов, Д. Бен-Гурион. Однако сионизм вызывал общественное отторжение, в результате чего появлялись публикации, направленные на его критику, часть которой строилась на идейном фундаменте «биологического» антисемитизма В. Марра, Х. С. Чемберлена.

В это же время в среде независимых ученых появился целый ряд авторов, таких как Э. Ренан, К. Каутский, Ф. Боас, которые возражали против переноса природных законов в этническую и социальную реальность. Защищаемая антропологами методология была основанием для исследований еврейской идентичности Ш. Эттингера, Д. Фишмана, С. М. Пилкингтона, уделявших внимание объективным факторам объединения евреев в единый народ. Однако эти книги были проигнорированы израильскими академическими кругами, для которых значение имел идейный фундамент, который был создан сионизмом. В условиях современности, сионистское мифотворчество оказывает влияние на концепции еврейской идентичности на территории Израиля, где терминология «еврейской расовой проблематики» используется израильским государством для обоснования политики создания народа-нации. Функцию национального нарратива здесь выполняет дисциплина, осуществляющая «поиск еврейских генов», автором которой является А. Моурант и Б.-Ш. Боннер-Тамир [5].

В отличие от Израиля в европейских странах и США влияние сионистского мифа на отношение к еврейской идентичности более ограничено, что объясняется отношением западных государств к националистическим и расистским идеям. Поэтому в Европе преобладают когнитивистские концепции, представленные примордиализмом П. Джонсона, Б. Вассерстейна и конструктивизмом Д. Пинто и М. Вьевьорка. В перечисленных работах ощутимо методологическое влияние американских исследований Р. Азриа, Дж. Вучера, Д. Гордиса, М. Гордона, Й. Иерушалмиа, Ч. Либмана, Э. Л. Нитобурга, Дж. Д. Сарны, Б. Филиппса, М. Б. Харта, где также сильно влияние когнитивистских подходов, но существуют свои особенности понимания еврейской идентичности. К примеру, американские евреи воспринимаются только как религиозная группа, а не этнос или раса [6].

Большинство американских исследователей основывается на примордиальной трактовке идентичности, опору которой они видят в иудаизме, еврейской культуре, образовании, связи между общинами США и Израиля. Этот взгляд на еврейскую идентичность раскрыт У. Хербергом, Ч. Либманом, Д. Гордисом, Б. А. Филипсом, Н. Гурвицем, которые фиксируют, что устоявшиеся, архетипические параметры американско-еврейской идентичности в Америке находятся под угрозой в связи с распространением универсализма и эгоцентризма.

Конструктивистский или реформаторский, подход, для которого характерным является внимание к концептуальной части имеющихся в обществе доктрин характерен для Д. Арноу и А. Голдштейна, которые определяют еврейскую идентичность как акт индивидуального присвоения ценностей, которые связаны с религиозными, этническими и культурными элементами иудаизма, религиозности еврейского народа и гражданской религии Израиля. Более светский, инструменталистский подход в рамках конструктивизма разрабатывается в трудах Р. Азриа, Дж. Сарны, Х. Дониша, Дж. Вучера, которые исходят из постулата о том, что еврейская идентичность, развиваясь во времени, приобретает новые формы. Как они полагают, в современной Америке еврейские общины существуют в виде альтернативных, открытых, свободно выбираемых групп, сохранивших привлекательность для ограниченного количества евреев. Евреи в Америке создали квазирелигию под названием «гражданский иудаизм», в которой ценности и практики каждый устанавливает для себя лично. В качестве инструментов сохранения идентичности эти авторы выделяют ценности, мифы, ритуалы. В Америке, как они полагают, евреем считается всякий человек, который заявляет о том, что имеет еврейское происхождение. Ситуативность этого подхода служит основанием для утверждения о том, что обязательной для всех единообразной еврейской идентичности нет, и различные общественные страты евреев, куда входят ортодоксы, нерелигиозные, «соблюдающие» евреи, являются аутентичными носителями еврейской идентичности [7].

Особые традиции взаимодействия между мифотворчеством и наукой, изучающей идентичность евреев, существуют в России, где на исследования евреев в досоветский, советский и постсоветский периоды оказывали влияние различные религиозные, общекультурные и политические мифы. Особенностью исследований XIX в. была включенность в процесс исследования российского еврейства значительного количества еврейских ученых, которые выражали и защищали свои интересы. Поэтому в России к «еврейскому вопросу» был проявлен большой интерес, а необходимость вступить в дискуссию с евреями считали важной многие философы, писатели, политики. Представители российской философии и общественной мысли по-разному оценивали еврейскую идентичность. В философской литературе прослеживалось два противоположных мнения. Суть первого, представленного Ф. М. Достоевским, В. В. Розановым и Л. П. Карсавиным, С. Н. Булгаковым сводилась к объяснению неприятия евреев обществом по причине их собственной обособленности. Противоположная точка зрения была представлена авторами, такими как Н. Бердяев, В. В. Зеньковский, В. И. Иванов, Д. И. Менделеев, Д. С. Мережковский, В. С. Соловьев, которые не испытывали вражду по отношению к евреям и доказывали, что причиной трудностей евреев в России явилось «нехристианское отношение» к ним со стороны церкви и окружения [1].

Большой группой авторов, публикующих свои исследования, посвященные евреям, были представители исторической науки, которые, согласно классификации, данной Д. А. Эльяшевичем, были разделены на «внешнее» и «внутреннее» направления. «Внутренний» подход был представлен трудами С. М. Дубнова, защищавшего положение о том, что взгляд на жизнь евреев глазами самих евреев, доказывает, что еврейская диаспора является примером самостоятельной нации и представляет полноценную еврейскую жизнь [2]. «Внешний» подход был разработан Ю. И. Гессеном, В. Аленициным, Б. Д. Бруцкусом, А. А. Ивановским, Н. С. Лесковым, А. Д. Элькиндром, которые считали, что исследование евреев даст результаты тогда, когда будет основано на объективных данных, описывающих взаимодействие государства и евреев, а также русского и еврейского народов, с учетом антисемитизма, влияющего на ход этого взаимодействия. Влияние идеологического мифа на исследования евреев ярко проявилось после 1917 г., когда широкое распространение получила «пролетарская еврейская наука». При этом оценки деятельности евреев зависели от политического мифа и различались от апологии еврейского вклада в дело развития революции до мощной пропагандистской атаки на сторонников еврейской автономии. В 60-80-х гг. появляются отдельные исследования самосознания евреев, которые также сводились к критике сионизма как «классовой идеологии» и «движении еврейской буржуазии». Сегодня еврейскому вопросу уделяют внимание Л. Гудков, А. А. Гольденвейзер, Н. Зильберг, В. Лихачев, М. Нижник, В. Прибыловский, В. Рубинчик, Л. Ременник, З. Ханин, И. Шафаревич, В. Шнирельман, обратившиеся к анализу социального статуса евреев. Как отдельная тема еврейская идентичность выделяется в исследованиях представителей психологии, социологии и этнологии, таких как Ц. Гительман, А. Милитарев, Е. Носенко, В. Собкин, М. А. Членов, которые исследуют еврейскую идентичность в рамках цивилизационного подхода [4].

Таким образом, вопрос о еврейской идентичности является предметом продолжающейся научной дискуссии, на содержание которой влияют априорные убеждения о сущностных факторах ее формирования. Одними из первых еврейскую идентичность пытались объяснить биологические концепции, связанные с влиянием сионизма и антисемитизма, и основанные на постулате о ведущей роли генетического фактора. Сионистский, расовый миф сохраняет влияние в научной традиции государства Израиль, где функцию национального нарратива выполняет контролируемая государством «еврейская генетика». Напротив, в исследованиях идентичности на территории Европы и США, а также России принимается, основанная на принципах когнитивизма, методология примордиализма, конструктивизма и инструментализма, объединенных верой в ментальную природу идентичности, конструируемой посредством объективных и субъективных факторов. Однако в этих странах также ощутимо влияние априорных, мифологических идей, создающих региональные особенности понимания еврейской идентичности. Основопологающей идеей европейских ученых является влияние Холокоста на современную еврейскую идентичность. В Америке господствует убеждение, что большое значение для ее формирования имеют мифы о новой родине в лице Америки и мифы об изначальной родине в лице Израиля. В истории российской науки, где евреев принято считать народом, или этносом, наибольший вес имеет цивилизационная трактовка еврейской идентичности. Постсоветский период ознаменован появлением западных когнитивных концептуальных моделей, позволяющих анализировать идентичность евреев с учетом влияния «внешних» и «внутренних» факторов, однако их интерпретация в условиях российской научной действительности создает возможности обоснования синтеза когнитивистской методологии и цивилизационной модели идентичности.

Список литературы

1. [Бердяев](#) Н. А. Смысл истории: монография. Берлин: Обелиск, 1923. 268 с.
2. Дубнов С. М. Всеобщая история евреев: монография. Ростов-на-Дону, Феникс 2003г. 576 с.
3. Штейнзальц А. Введение в Талмуд: монография. М.: Израильский институт талмудических публикаций, 1996 г. 382 с.
4. Членов М. А. Еврейство в системе цивилизаций (постановка вопроса) // Диаспоры. М., 1999. № 1.М. С. 34-56.
5. Batsheva Bonné-Tamir. Human Genetics. Batsheva Bonné-Tamir Human Genetics. Part B: Medical Aspects // The Quarterly Review of Biology, 1983. № 58, no. 4. Pp. 559-560.
6. Heilman S C. Portrait of American Jews: The last half of the 20th century: monograph. San Francisco: Institute for Jewish and Community Research. 1995. 190 p.
7. Jews on the Move: monograph / Eds. S. Goldstein, A. Goldstein. Albany: State University of New York Press, 1996. P. 197.

СЕКЦИЯ №22.

ЭСТЕТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.04)

СЕКЦИЯ №23.

ЭТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.05)

СЕКЦИЯ №24.

ЛОГИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.07)

О ТАБЛИЧНОЙ ПАРАНОРМАЛЬНОЙ ЛОГИКЕ $\text{Par}(2)$ ¹

Попов В.М.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва

Предлагаемая работа относится к исследованиям проблемы табличности логик, родственных известной логике Par (информацию о логике Par можно найти, например, в [1], [2] и [3]). В статье построена семантика введенного ниже пропозиционального языка L и определена логика $\text{Par}(2)$, индуцированная этой семантикой. Здесь доказано, что $\text{Par}(2)$ является паранормальной логикой, то есть доказано, что логика $\text{Par}(2)$ одновременно паранепротиворечива и параполна. В работе обсуждается вопрос о связи логики $\text{Par}(2)$ с логикой Par и анонсируются теоремы, связывающие логику $\text{Par}(2)$ с построенным здесь исчислением $\text{HPar}(2)$.

Язык L всех рассматриваемых здесь логик является стандартным пропозициональным языком, алфавит которого есть множество $\{\&, \vee, \supset, \neg, \wedge, \langle, \rangle, p_1, p_2, p_3, \dots\}$ символов, где $\&, \vee$ и $\supset$ - бинарные логические связки языка L , $\neg$ - унарная логическая связка языка L , $\langle$ и $\rangle$ - технические символы языка L , а $p_1, p_2, p_3, \dots$ - пропозициональные переменные этого языка. Понятие L -формулы определяем обычно и допускаем применение традиционных соглашений об опускании скобок в L -формулах. Логикой в L (или L -логикой) называем непустое множество L -формул, замкнутое относительно правила пропозициональной подстановки в L и правила *modus ponens* в L . Известно, что множество всех классических тавтологий в языке L есть логика в L . Эту L -логику называем классической L -логикой и обозначаем через Cl_L . Теорией L -логики L называем множество L -формул, включающее L -логику L и замкнутое относительно правила *modus ponens* в L . Множество всех L -формул является L -логикой и теорией любой L -логики. Это множество называем тривиальной L -теорией. Противоречивой теорией L -логики L называем такую теорию T L -логики L , что для некоторой L -

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 16-03-00224-ОГН (ранее – РГНФ, грант № 16-03-00224а)

формулы A верно следующее: $A \in T$ и $\neg A \in T$. Паранепротиворечивой теорией L -логики L называем такую противоречивую теорию L -логики L , что T не есть тривиальная L -теория. Паранепротиворечивой L -логикой называем такую L -логику L , что существует паранепротиворечивая теория L -логики L . Полной теорией L -логики L называем такую теорию T L -логики L , что для всякой L -формулы A верно следующее: $A \in T$ или $\neg A \in T$. Параконной теорией L -логики L называем такую теорию T L -логики L , что T не является полной теорией L -логики L и всякая теория L -логики L , включающая T , есть тривиальная L -теория. Параконной L -логикой называем такую L -логику L , что существует параконная теория L -логики L . Паранормальной L -логикой называем L -логику, которая является паранепротиворечивой и параконной L -логикой. Следуя традиции, называем логической матрицей упорядоченную $n+2$ -ку (n есть целое положительное число), первый член которой есть непустое множество, второй член которой есть подмножество первого члена этой упорядоченной $n+2$ -ки, а все члены этой упорядоченной $n+2$ -ки, начиная с третьего, – операции на множестве, являющимся первым членом этой упорядоченной $n+2$ -ки. Первый член логической матрицы называется носителем этой логической матрицы, второй член логической матрицы называется выделенным множеством этой логической матрицы, а все члены логической матрицы, начиная с третьего, называются операциями этой логической матрицы. Конечной логической матрицей называем, как это принято, логическую матрицу, носитель которой является конечным множеством. Обозначаем через $MPar(2)$ логическую матрицу $\langle \langle 1,0 \rangle, \langle 1,1 \rangle, \langle 0,0 \rangle, \langle 0,1 \rangle \rangle, \{ \langle 1,0 \rangle, \langle 1,1 \rangle \}, \&_{MPar(2)}, \vee_{MPar(2)}, \supset_{MPar(2)}, \neg_{MPar(2)} \rangle$, где $\&_{MPar(2)}, \vee_{MPar(2)}, \supset_{MPar(2)}$ являются бинарными операциями на носителе этой логической матрицы, определяемыми приводимыми ниже таблицами T1, T2 и T3 соответственно, а $\neg_{MPar(2)}$ есть унарная операция на носителе этой логической матрицы, определяемая приводимой ниже таблицей T4.

<table style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="text-align: center; padding: 5px;">T1</td> </tr> <tr> <td style="border-bottom: 1px solid black; padding: 5px;">$\&_{MPar(2)} \mid \langle 1,0 \rangle, \langle 1,1 \rangle, \langle 0,0 \rangle, \langle 0,1 \rangle$</td> </tr> <tr> <td style="padding: 5px;">$\langle 1,0 \rangle \mid \langle 1,0 \rangle, \langle 1,1 \rangle, \langle 0,0 \rangle, \langle 0,1 \rangle$</td> </tr> <tr> <td style="padding: 5px;">$\langle 1,1 \rangle \mid \langle 1,1 \rangle, \langle 1,1 \rangle, \langle 0,1 \rangle, \langle 0,1 \rangle$</td> </tr> <tr> <td style="padding: 5px;">$\langle 0,0 \rangle \mid \langle 0,0 \rangle, \langle 0,1 \rangle, \langle 0,0 \rangle, \langle 0,1 \rangle$</td> </tr> <tr> <td style="padding: 5px;">$\langle 0,1 \rangle \mid \langle 0,1 \rangle, \langle 0,1 \rangle, \langle 0,1 \rangle, \langle 0,1 \rangle$</td> </tr> </table>	T1	$\&_{MPar(2)} \mid \langle 1,0 \rangle, \langle 1,1 \rangle, \langle 0,0 \rangle, \langle 0,1 \rangle$	$\langle 1,0 \rangle \mid \langle 1,0 \rangle, \langle 1,1 \rangle, \langle 0,0 \rangle, \langle 0,1 \rangle$	$\langle 1,1 \rangle \mid \langle 1,1 \rangle, \langle 1,1 \rangle, \langle 0,1 \rangle, \langle 0,1 \rangle$	$\langle 0,0 \rangle \mid \langle 0,0 \rangle, \langle 0,1 \rangle, \langle 0,0 \rangle, \langle 0,1 \rangle$	$\langle 0,1 \rangle \mid \langle 0,1 \rangle, \langle 0,1 \rangle, \langle 0,1 \rangle, \langle 0,1 \rangle$	<table style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="text-align: center; padding: 5px;">T2</td> </tr> <tr> <td style="border-bottom: 1px solid black; padding: 5px;">$\vee_{MPar(2)} \mid \langle 1,0 \rangle, \langle 1,1 \rangle, \langle 0,0 \rangle, \langle 0,1 \rangle$</td> </tr> <tr> <td style="padding: 5px;">$\langle 1,0 \rangle \mid \langle 1,0 \rangle, \langle 1,0 \rangle, \langle 1,0 \rangle, \langle 1,0 \rangle$</td> </tr> <tr> <td style="padding: 5px;">$\langle 1,1 \rangle \mid \langle 1,0 \rangle, \langle 1,1 \rangle, \langle 1,0 \rangle, \langle 1,1 \rangle$</td> </tr> <tr> <td style="padding: 5px;">$\langle 0,0 \rangle \mid \langle 1,0 \rangle, \langle 1,0 \rangle, \langle 0,0 \rangle, \langle 0,0 \rangle$</td> </tr> <tr> <td style="padding: 5px;">$\langle 0,1 \rangle \mid \langle 1,0 \rangle, \langle 1,1 \rangle, \langle 0,0 \rangle, \langle 0,1 \rangle$</td> </tr> </table>	T2	$\vee_{MPar(2)} \mid \langle 1,0 \rangle, \langle 1,1 \rangle, \langle 0,0 \rangle, \langle 0,1 \rangle$	$\langle 1,0 \rangle \mid \langle 1,0 \rangle, \langle 1,0 \rangle, \langle 1,0 \rangle, \langle 1,0 \rangle$	$\langle 1,1 \rangle \mid \langle 1,0 \rangle, \langle 1,1 \rangle, \langle 1,0 \rangle, \langle 1,1 \rangle$	$\langle 0,0 \rangle \mid \langle 1,0 \rangle, \langle 1,0 \rangle, \langle 0,0 \rangle, \langle 0,0 \rangle$	$\langle 0,1 \rangle \mid \langle 1,0 \rangle, \langle 1,1 \rangle, \langle 0,0 \rangle, \langle 0,1 \rangle$
T1													
$\&_{MPar(2)} \mid \langle 1,0 \rangle, \langle 1,1 \rangle, \langle 0,0 \rangle, \langle 0,1 \rangle$													
$\langle 1,0 \rangle \mid \langle 1,0 \rangle, \langle 1,1 \rangle, \langle 0,0 \rangle, \langle 0,1 \rangle$													
$\langle 1,1 \rangle \mid \langle 1,1 \rangle, \langle 1,1 \rangle, \langle 0,1 \rangle, \langle 0,1 \rangle$													
$\langle 0,0 \rangle \mid \langle 0,0 \rangle, \langle 0,1 \rangle, \langle 0,0 \rangle, \langle 0,1 \rangle$													
$\langle 0,1 \rangle \mid \langle 0,1 \rangle, \langle 0,1 \rangle, \langle 0,1 \rangle, \langle 0,1 \rangle$													
T2													
$\vee_{MPar(2)} \mid \langle 1,0 \rangle, \langle 1,1 \rangle, \langle 0,0 \rangle, \langle 0,1 \rangle$													
$\langle 1,0 \rangle \mid \langle 1,0 \rangle, \langle 1,0 \rangle, \langle 1,0 \rangle, \langle 1,0 \rangle$													
$\langle 1,1 \rangle \mid \langle 1,0 \rangle, \langle 1,1 \rangle, \langle 1,0 \rangle, \langle 1,1 \rangle$													
$\langle 0,0 \rangle \mid \langle 1,0 \rangle, \langle 1,0 \rangle, \langle 0,0 \rangle, \langle 0,0 \rangle$													
$\langle 0,1 \rangle \mid \langle 1,0 \rangle, \langle 1,1 \rangle, \langle 0,0 \rangle, \langle 0,1 \rangle$													
<table style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="text-align: center; padding: 5px;">T3</td> </tr> <tr> <td style="border-bottom: 1px solid black; padding: 5px;">$\supset_{MPar(2)} \mid \langle 1,0 \rangle, \langle 1,1 \rangle, \langle 0,0 \rangle, \langle 0,1 \rangle$</td> </tr> <tr> <td style="padding: 5px;">$\langle 1,0 \rangle \mid \langle 1,0 \rangle, \langle 1,0 \rangle, \langle 0,1 \rangle, \langle 0,1 \rangle$</td> </tr> <tr> <td style="padding: 5px;">$\langle 1,1 \rangle \mid \langle 1,1 \rangle, \langle 1,1 \rangle, \langle 0,1 \rangle, \langle 0,1 \rangle$</td> </tr> <tr> <td style="padding: 5px;">$\langle 0,0 \rangle \mid \langle 1,0 \rangle, \langle 1,0 \rangle, \langle 1,0 \rangle, \langle 1,0 \rangle$</td> </tr> <tr> <td style="padding: 5px;">$\langle 0,1 \rangle \mid \langle 1,0 \rangle, \langle 1,0 \rangle, \langle 1,0 \rangle, \langle 1,0 \rangle$</td> </tr> </table>	T3	$\supset_{MPar(2)} \mid \langle 1,0 \rangle, \langle 1,1 \rangle, \langle 0,0 \rangle, \langle 0,1 \rangle$	$\langle 1,0 \rangle \mid \langle 1,0 \rangle, \langle 1,0 \rangle, \langle 0,1 \rangle, \langle 0,1 \rangle$	$\langle 1,1 \rangle \mid \langle 1,1 \rangle, \langle 1,1 \rangle, \langle 0,1 \rangle, \langle 0,1 \rangle$	$\langle 0,0 \rangle \mid \langle 1,0 \rangle, \langle 1,0 \rangle, \langle 1,0 \rangle, \langle 1,0 \rangle$	$\langle 0,1 \rangle \mid \langle 1,0 \rangle, \langle 1,0 \rangle, \langle 1,0 \rangle, \langle 1,0 \rangle$	<table style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="text-align: center; padding: 5px;">T4</td> </tr> <tr> <td style="border-bottom: 1px solid black; padding: 5px;">$\neg_{MPar(2)} \mid \langle 1,0 \rangle, \langle 1,1 \rangle, \langle 0,0 \rangle, \langle 0,1 \rangle$</td> </tr> <tr> <td style="padding: 5px;">$\mid \langle 0,1 \rangle, \langle 1,1 \rangle, \langle 0,0 \rangle, \langle 1,0 \rangle$</td> </tr> </table>	T4	$\neg_{MPar(2)} \mid \langle 1,0 \rangle, \langle 1,1 \rangle, \langle 0,0 \rangle, \langle 0,1 \rangle$	$\mid \langle 0,1 \rangle, \langle 1,1 \rangle, \langle 0,0 \rangle, \langle 1,0 \rangle$			
T3													
$\supset_{MPar(2)} \mid \langle 1,0 \rangle, \langle 1,1 \rangle, \langle 0,0 \rangle, \langle 0,1 \rangle$													
$\langle 1,0 \rangle \mid \langle 1,0 \rangle, \langle 1,0 \rangle, \langle 0,1 \rangle, \langle 0,1 \rangle$													
$\langle 1,1 \rangle \mid \langle 1,1 \rangle, \langle 1,1 \rangle, \langle 0,1 \rangle, \langle 0,1 \rangle$													
$\langle 0,0 \rangle \mid \langle 1,0 \rangle, \langle 1,0 \rangle, \langle 1,0 \rangle, \langle 1,0 \rangle$													
$\langle 0,1 \rangle \mid \langle 1,0 \rangle, \langle 1,0 \rangle, \langle 1,0 \rangle, \langle 1,0 \rangle$													
T4													
$\neg_{MPar(2)} \mid \langle 1,0 \rangle, \langle 1,1 \rangle, \langle 0,0 \rangle, \langle 0,1 \rangle$													
$\mid \langle 0,1 \rangle, \langle 1,1 \rangle, \langle 0,0 \rangle, \langle 1,0 \rangle$													

Называем $MPar(2)$ -оценкой отображение множества всех пропозициональных переменных языка L в носитель логической матрицы $MPar(2)$. Индуктивное определение $MPar(2)$ -означивания L -формулы при заданной $MPar(2)$ -оценке стандартно:

- (I) для всякой пропозициональной переменной q языка L и для всякой $MPar(2)$ -оценки $\mid q \mid_v$
 $MPar(2) = v(q)$,
- (II) для всякой L -формулы A , для всякой L -формулы B и для всякой $MPar(2)$ -оценки v :
- $$\mid A \& B \mid_v^{MPar(2)} = (\mid A \mid_v^{MPar(2)} \&_{MPar(2)} \mid B \mid_v^{MPar(2)}),$$
- $$\mid A \vee B \mid_v^{MPar(2)} = (\mid A \mid_v^{MPar(2)} \vee_{MPar(2)} \mid B \mid_v^{MPar(2)}),$$
- $$\mid A \supset B \mid_v^{MPar(2)} = (\mid A \mid_v^{MPar(2)} \supset_{MPar(2)} \mid B \mid_v^{MPar(2)}),$$
- $$\mid \neg A \mid_v^{MPar(2)} = \neg_{MPar(2)} (\mid A \mid_v^{MPar(2)}).$$

Утверждение 1. Для всякой L -формулы A и для всякой $MPar(2)$ -оценки v верно, что $\mid A \mid_v^{MPar(2)} \in \{ \langle 1,0 \rangle, \langle 1,1 \rangle, \langle 0,0 \rangle, \langle 0,1 \rangle \}$.

Утверждение 1 доказано методом индукции по построению L -формулы.

Определение 1. $MPar(2)$ -общезначимой L -формулой является такая L -формула A , что для всякой $MPar(2)$ -оценки $v \mid A \mid_v^{MPar(2)} \in \{ \langle 1,0 \rangle, \langle 1,1 \rangle \}$.

Определение 2. $A \text{ MPar}(2)$ -следует из Γ тогда и только тогда, когда A есть L -формула, Γ есть множество L -формул и для всякой $\text{MPar}(2)$ -оценки v верно следующее: если для всякой L -формулы B из $\Gamma \mid v \mid_{\text{MPar}(2)} \in \{<1,0>, <1,1>\}$, то $A \mid v \mid_{\text{MPar}(2)} \in \{<1,0>, <1,1>\}$.

Корректны также следующие определение 3, определение 4 и Соглашение .

Определение 3. $\text{Par}(2)$ есть множество всех $\text{MPar}(2)$ -общезначимых L -формул.

Определение 4. Пусть q есть пропозициональная переменная языка L , d есть элемент носителя логической матрицы $\text{MPar}(2)$, v есть $\text{MPar}(2)$ -оценка.

$[q,d,v]$ есть $(v \setminus \{<q,v(q)>\}) \cup \{<q,d>\}$.

Ясно, что для всякой пропозициональной переменной q языка L , для всякого элемента d носителя логической матрицы $\text{MPar}(2)$ и для всякой $\text{MPar}(2)$ -оценки v верно, что $[q,d,v]$ есть $\text{MPar}(2)$ -оценка.

Соглашение. $S_B^q(A)$ есть результат подстановки L -формулы B в L -формулу A вместо пропозициональной переменной q языка L .

Нам потребуется нижеследующая лемма, различные модификации которой широко известны.

Лемма. Для всякой L -формулы A , для всякой L -формулы B , для всякой пропозициональной переменной q языка L и для всякой $\text{MPar}(2)$ -оценки v верно, что $\mid S_B^q(A) \mid v \mid_{\text{MPar}(2)} = \mid A \mid_{[q,d,v]} \mid_{\text{MPar}(2)}$.

Данная лемма доказана методом индукции по построению L -формулы.

Утверждение 2. Для всякой L -формулы A , для всякой L -формулы B и для всякой пропозициональной переменной q языка L : если $A \in \text{Par}(2)$, то $S_B^q(A) \in \text{Par}(2)$.

Утверждение 2 доказано методом от противного с использованием сформулированной выше леммы.

Легко убедиться, что L -формула $p_1 \supset p_1$ принадлежит L -логике $\text{Par}(2)$. Таким образом, верно следующее утверждение 3.

Утверждение 3. $\text{Par}(2) \neq \emptyset$.

Утверждение 4. Для всякой L -формулы A и для всякой L -формулы B : если $A \in \text{Par}(2)$ и $A \supset B \in \text{Par}(2)$, то $B \in \text{Par}(2)$.

Утверждение 4 доказано методом от противного с использованием утверждения 1.

Опираясь на утверждения 2–4 и определение L -логики, получаем, что верно следующее утверждение 5.

Утверждение 5. $\text{Par}(2)$ является L -логикой.

Заметим, что поскольку $\text{MPar}(2)$ есть конечная логическая матрица и $\text{Par}(2)$ есть множество всех $\text{MPar}(2)$ -общезначимых L -формул, то L -логику $\text{Par}(2)$ следует охарактеризовать как табличную L -логику.

Можно доказать следующее утверждение (а).

(а) Существует единственное множество всех таких упорядоченных пар

$\langle q, X \rangle$, что выполняются три условия (а1), (а2) и (а3): (а1) q есть пропозициональная переменная языка L , (а2) если q есть p_1 , то $X = \langle 1,1 \rangle$, (а3) если q не есть p_1 , то $X = \langle 0,0 \rangle$.

В свете утверждения (а) ясна корректность определения 5.

Определение 5. $h = \{ \langle q, X \rangle \mid q \text{ есть пропозициональная переменная языка } L; \text{ если } q \text{ есть } p_1, \text{ то } X = \langle 1,1 \rangle; \text{ если } q \text{ не есть } p_1, \text{ то } X = \langle 0,0 \rangle \}$.

Очевидно, что h есть $\text{MPar}(2)$ -оценка.

Можно доказать следующее утверждение (б).

(б) Существует единственное множество всех таких упорядоченных пар

$\langle A, X \rangle$, что выполняются три условия (b1), (b2) и (b3): (b1) A есть L -формула, (b2) $X = \mid A \mid_h \mid_{\text{MPar}(2)}$, (b3) $X \in \{<1,0>, <1,1>\}$.

В свете утверждения (б) ясна корректность определения 6.

Определение 6. $H = \{ A \mid A \text{ есть } L\text{-формула}; \mid A \mid_h \mid_{\text{MPar}(2)} \in \{<1,0>, <1,1>\} \}$.

Применяя определения 1, 3 и 6, получаем, что верно утверждение 6.

Утверждение 6. $\text{Par}(2) \subseteq H$.

Утверждение 7. Для всякой L -формулы A и для всякой L -формулы B : если $A \in H$ и $A \supset B \in H$, то $B \in H$.

Утверждение 7 доказано методом от противного с использованием утверждения 1.

Опираясь на утверждение 7, приходим к выводу о том, что верно следующее утверждение 8.

Утверждение 8. Множество H замкнуто относительно правила *modus ponens* в L .

Утверждение 9. Существует такая L -формула A , что $A \in H$ и $\neg A \in H$.

Докажем утверждение 9.

Убеждаемся в том, что (1) $|p_1|_h^{MPar(2)} = h(p_1) = \langle 1, 1 \rangle$ и

(2) $|\neg p_1|_h^{MPar(2)} = \neg_{MPar(2)}(|p_1|_h^{MPar(2)}) = \neg_{MPar(2)}(h(p_1)) = \neg_{MPar(2)}(\langle 1, 1 \rangle) = \langle 1, 1 \rangle$.

Опираясь на утверждения (1) и (2), на определение 6 и на тот факт, что p_1 и $\neg p_1$ являются L -формулами, получаем, что (3) L -формулы p_1 и $\neg p_1$ принадлежат H . Теперь, опираясь на утверждение 3, приходим к выводу о том, что существует такая L -формула A , что $A \in H$ и $\neg A \in H$.

Утверждение 9 доказано.

Утверждение 10. Существует такая L -формула A , что $A \notin H$ и $\neg A \notin H$.

Докажем утверждение 10.

Убеждаемся в том, что (1) $|p_2|_h^{MPar(2)} = h(p_2) = \langle 0, 0 \rangle$ и

(2) $|\neg p_2|_h^{MPar(2)} = \neg_{MPar(2)}(|p_2|_h^{MPar(2)}) = \neg_{MPar(2)}(h(p_2)) = \neg_{MPar(2)}(\langle 0, 0 \rangle) = \langle 0, 0 \rangle$.

Опираясь на утверждения (1) и (2), на определение 6 и на тот факт, что p_2 и $\neg p_2$ являются L -формулами, получаем, что (3) L -формулы p_2 и $\neg p_2$ не принадлежат H . Теперь, опираясь на утверждение 3, приходим к выводу о том, что существует такая L -формула A , что $A \notin H$ и $\neg A \notin H$.

Утверждение 10 доказано.

Утверждение 11. $Par(2)$ есть паранепротиворечивая L -логика.

Докажем утверждение 11.

(1) H есть теория L -логики $Par(2)$ (из утверждений 5, 6 и 8, по определению теории L -логики L).

(2) H есть противоречивая теория L -логики $Par(2)$ (из утверждений (1) и 9, по определению противоречивой теории L -логики L).

(3) Существует такая L -формула A , что $A \notin H$ (из утверждения 10).

(4) H не есть тривиальная L -теория (из (3), по определению тривиальной L -теории).

(5) H есть паранепротиворечивая теория L -логики $Par(2)$ (из утверждений (2) и (4), по определению паранепротиворечивой теории L -логики L).

(6) Существует паранепротиворечивая теория L -логики $Par(2)$ (из (5)).

Используя утверждение (6) и определение паранепротиворечивой L -логики, делаем вывод о том, что $Par(2)$ есть паранепротиворечивая L -логика.

Утверждение 11 доказано.

Утверждение 12. $Par(2)$ есть парapolная L -логика.

Докажем утверждение 12.

(1) H есть теория L -логики $Par(2)$ (из утверждений 5, 6 и 8, по определению теории L -логики L).

(2) H не является полной теорией L -логики $Par(2)$ (из утверждения 10, по определению полной теории L -логики L).

(3) A_0 есть L -формула (допущение).

Убеждаемся в том, что

(4) $|p_2 \supset A_0|_h^{MPar(2)} = |p_2|_h^{MPar(2)} \supset_{MPar(2)} |A_0|_h^{MPar(2)} = h(p_2) \supset_{MPar(2)} |A_0|_h^{MPar(2)} = \langle 0, 0 \rangle \supset_{MPar(2)} |A_0|_h^{MPar(2)} = \langle 1, 0 \rangle$

и (5) $|\neg p_2 \supset A_0|_h^{MPar(2)} = |\neg p_2|_h^{MPar(2)} \supset_{MPar(2)} |A_0|_h^{MPar(2)} = \neg_{MPar(2)}(|p_2|_h^{MPar(2)}) \supset_{MPar(2)} |A_0|_h^{MPar(2)} = \neg_{MPar(2)}(h(p_2)) \supset_{MPar(2)} |A_0|_h^{MPar(2)} = \neg_{MPar(2)}(\langle 0, 0 \rangle) \supset_{MPar(2)} |A_0|_h^{MPar(2)} = \langle 0, 0 \rangle \supset_{MPar(2)} |A_0|_h^{MPar(2)} = \langle 1, 0 \rangle$.

Опираясь на утверждения (4) и (5), на определение 6 и на тот факт, что $p_2 \supset A_0$ и $\neg p_2 \supset A_0$ являются L -формулами, получаем, что

(6) L -формулы $p_2 \supset A_0$ и $\neg p_2 \supset A_0$ принадлежат H .

Снимая допущение (3) и обобщая, получаем, что

(7) для всякой L -формулы A : $p_2 \supset A$ и $\neg p_2 \supset A$ принадлежат H .

(8) H' есть полная теория L -логики $Par(2)$, включающая H (допущение).

(9) Для всякой L -формулы A : $p_2 \supset A$ и $\neg p_2 \supset A$ принадлежат H' (из (7) и (8)).

(10) H' есть полная теория L -логики $Par(2)$ (из (8)).

(11) H' есть теория L -логики $Par(2)$ (из (10), по определению полной теории L -логики L).

(12) H' есть множество L -формул, замкнутое относительно правила *modus ponens* в L (из (11), по определению L -логики L).

Используя утверждение (10) и тот факт, что p_2 есть L -формула и применяя определение полной теории L -логики L , получаем, что

(13) $p_2 \in H'$ или $\neg p_2 \in H'$.

(14) Существует такая L -формула A , что $A \notin H'$ (допущение).

Пусть (15) A' есть L -формула и $A' \notin H'$.

(16) A' есть L -формула (из (15)).

(17) $A' \notin H'$ (из (15)).

(18) $p_2 \supset A'$ и $\neg p_2 \supset A'$ принадлежат H' (из (9) и (16)).

Опираясь на утверждения (12) и (18) и используя определение множества

L -формул, замкнутого относительно правила *modus ponens* в L , получаем, что верны следующие утверждения (19) и (20)).

(19) Если $p_2 \in H'$, то $A' \in H'$.

(20) Если $\neg p_2 \in H'$, то $A' \in H'$.

(21) $A' \in H'$ (из (13), (19) и (20)).

Утверждение (21) противоречит утверждению (17). Следовательно, неверно допущение (14). Но тогда верно следующее утверждение (22).

(22) Всякая L -формула A принадлежит H' .

(23) H' есть тривиальная L -теория (из (11) и (22)).

Снимая допущение (8) и обобщая, получаем, что

(24) всякая полная теория L -логики $\text{Par}(2)$, включающая H , есть тривиальная L -теория.

(25) H есть парapolная теория L -логики $\text{Par}(2)$ (из (1), (2) и (24), по определению парapolной теории L -логики L).

(26) Существует парapolная теория L -логики $\text{Par}(2)$ (из (25)).

Используя утверждение (26) и определение парapolной L -логики L , делаем вывод о том, что $\text{Par}(2)$ есть парapolная L -логика.

Утверждение 12 доказано.

Применяя определение паранормальной L -логики и используя утверждения 11 и 12, делаем вывод о том, что верно следующее утверждение 13.

Утверждение 13. $\text{Par}(2)$ есть паранормальная L -логика.

Что касается связи L -логики $\text{Par}(2)$ с логикой Par (последняя тоже является L -логикой), то L -логика $\text{Par}(2)$ родственна логике Par в смысле следующего определения 7.

Определение 7. L -логика L родственна логике Par тогда и только тогда, когда выполняются следующие условия (*), (**) и (***):

(*) L -логика L включается в L -логику Cl_L ,

(**) в L -логику L включается позитивный фрагмент L -логики Cl_L ,

(***) L -логике L принадлежат все L -формулы следующих четырех видов (здесь A и B являются L -формулами): $\neg(A \vee B) \supset (\neg A \& \neg B)$, $(\neg A \& \neg B) \supset \neg(A \vee B)$,

$\neg(A \& B) \supset (\neg A \vee \neg B)$, $(\neg A \vee \neg B) \supset \neg(A \& B)$.

Можно доказать, что L -логика $\text{Par}(2)$ родственна логике Par .

Завершаем статью анонсом двух теорем, связывающих L -логику $\text{Par}(2)$ и сконструированное ниже исчисление $H\text{Par}(2)$. Исчисление $H\text{Par}(2)$ является исчислением гильбертовского типа. Язык исчисления $H\text{Par}(2)$ есть L . Множество всех аксиом этого исчисления есть множество всех тех и только тех L -формул, каждая из которых имеет хотя бы один из следующих восемнадцати видов (здесь A , B и C – L -формулы).

(I) $(A \supset B) \supset ((B \supset C) \supset (A \supset C))$ (II) $A \supset (A \vee B)$ (III) $B \supset (A \vee B)$

(IV) $(A \supset C) \supset ((B \supset C) \supset ((A \vee B) \supset C))$ (V) $(A \& B) \supset A$ (VI) $(A \& B) \supset B$

(VII) $(C \supset A) \supset ((C \supset B) \supset (C \supset (A \& B)))$ (VIII) $(A \supset (B \supset C)) \supset ((A \& B) \supset C)$

(IX) $((A \& B) \supset C) \supset (A \supset (B \supset C))$ (X) $((A \supset B) \supset A) \supset A$ (XI) $\neg(A \vee B) \supset (\neg A \& \neg B)$

(XII) $(\neg A \& \neg B) \supset \neg(A \vee B)$ (XIII) $\neg(A \& B) \supset (\neg A \vee \neg B)$

(XIV) $(\neg A \vee \neg B) \supset \neg(A \& B)$ (XV) $\neg(A \supset B) \supset ((A \supset B) \supset (A \& \neg A))$
 (XVI) $((A \supset B) \supset (A \& \neg A)) \supset \neg(A \supset B)$ (XVII) $\neg\neg A \supset A$, (XVIII) $A \supset \neg\neg A$

Исчисление $\text{HPar}(2)$ имеет единственное правило вывода – правило *modus ponens* в L . Понятия $\text{HPar}(2)$ -вывода L -формулы из множества L -формул и $\text{HPar}(2)$ -доказательства L -формулы определяются обычным для исчисления гильбертовского типа образом. Доказаны следующие теорема 1 и теорема 2.

Теорема 1. Для всякой L -формулы A и для всякого множества Γ
 L -формул: $A \text{MPar}(2)$ -следует из Γ тогда и только тогда, когда существует $\text{HPar}(2)$ -вывод A из Γ .

Теорема 2. Для всякой L -формулы A : $A \in \text{Par}(2)$ тогда и только тогда, когда существует $\text{HPar}(2)$ -доказательство L -формулы A .

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 16-0300224-ОГН

Список литературы

- [1] Карпенко А. С. Развитие многозначной логики. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Издательство ЛКИ, 2010.–448 с.
 [2] Попов В. М. Секвенциальные формулировки паранепротиворечивых логических систем//Синтаксические и семантические исследования неэкстенциональных логик. М.: Наука, 1989. с. 285–289.
 [3] Попов В. М. Между Par и множеством всех формул//Шестые Смирновские чтения: материалы Международной научной конференции, Москва, 17–19 июня 2009 г. – М.: Современные тетради, 2009. с. 93–95.

О ТАБЛИЧНОЙ ПАРАНОРМАЛЬНОЙ ЛОГИКЕ $\text{PAR}(3)^2$

Попов В.М., Солощенко А.А.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва

В статье строится новая паранормальная логика $\text{Par}(3)$, родственная паранормальной логике Par (информацию о логике Par можно найти, например в работах [1], [2] и [3]). Построение логики $\text{Par}(3)$ носит семантический характер и предполагает использование конечной логической матрицы $\text{MPar}(3)$, сконструированной авторами. В предлагаемой работе устанавливается паранормальность логики $\text{Par}(3)$ (то есть устанавливается одновременная паранепротиворечивость и параполнота этой логики), обсуждается связь между $\text{Par}(3)$ и Par , строится исчисление $\text{HPar}(3)$ гильбертовского типа и анонсируются теоремы, связывающие это исчисление с логикой $\text{Par}(3)$. Авторы во многом опираются и часто ссылаются на размещенную в настоящем сборнике статью В. М. Попова «О табличной паранормальной логике $\text{Par}(2)$ ».

Язык L всех рассматриваемых здесь логик есть тот же самый стандартный пропозициональный язык L , который описан в [4]. Мы опираемся на приведенные в [4] определения L -логики, теории L -логики L , тривиальной L -теории, противоречивой теории L -логики L , паранепротиворечивой теории L -логики L , паранепротиворечивой L -логики, полной теории L -логики L , параполной теории L -логики L , параполной L -логики, паранормальной L -логики, логической матрицы, носителя данной логической матрицы, операции данной логической матрицы, конечной логической матрицы.

Обозначаем через $\text{MPar}(3)$ логическую матрицу $\langle \langle \langle 1,0 \rangle, \langle 1,1 \rangle, \langle 0,0 \rangle, \langle 0,1 \rangle \rangle, \{ \langle 1,0 \rangle, \langle 1,1 \rangle \}, \&_{\text{MPar}(3)}, \vee_{\text{MPar}(3)}, \supset_{\text{MPar}(3)}, \neg_{\text{MPar}(3)} \rangle$. Операции $\&_{\text{MPar}(3)}, \vee_{\text{MPar}(3)}$ и $\neg_{\text{MPar}(3)}$ этой логической матрицы равны соответственным операциям $\&_{\text{MPar}(2)}, \vee_{\text{MPar}(2)}$ и $\neg_{\text{MPar}(2)}$ матрицы $\text{MPar}(2)$, построенной в [4], а $\supset_{\text{MPar}(3)}$ есть бинарная операция на носителе логической матрицы $\text{MPar}(3)$, определяемая приводимой ниже таблицей.

² Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 16-03-00224-ОГН (ранее – РГНФ, грант № 16-03-00224а)

$\supset_{\text{MPar}(3)}$	$\langle 1,0 \rangle \langle 1,1 \rangle \langle 0,0 \rangle \langle 0,1 \rangle$
$\langle 1,0 \rangle$	$\langle 1,0 \rangle \langle 1,1 \rangle \langle 0,1 \rangle \langle 0,1 \rangle$
$\langle 1,1 \rangle$	$\langle 1,0 \rangle \langle 1,1 \rangle \langle 0,1 \rangle \langle 0,1 \rangle$
$\langle 0,0 \rangle$	$\langle 1,0 \rangle \langle 1,1 \rangle \langle 1,0 \rangle \langle 1,0 \rangle$
$\langle 0,1 \rangle$	$\langle 1,0 \rangle \langle 1,1 \rangle \langle 1,0 \rangle \langle 1,0 \rangle$

Называем $\text{MPar}(3)$ -оценкой отображение множества всех пропозициональных переменных языка L в носитель логической матрицы $\text{MPar}(3)$. Индуктивное определение $\text{MPar}(3)$ -означивания L -формулы при заданной $\text{MPar}(3)$ -оценке стандартно:

(III) для всякой пропозициональной переменной q языка L и для всякой $\text{MPar}(3)$ -оценки v $q \upharpoonright_v^{\text{MPar}(3)} = v(q)$,

(IV) для всякой L -формулы A , для всякой L -формулы B и для всякой $\text{MPar}(3)$ -оценки v :

$$\begin{aligned} |A \& B \upharpoonright_v^{\text{MPar}(3)}| &= (|A \upharpoonright_v^{\text{MPar}(3)}| \&_{\text{MPar}(3)} |B \upharpoonright_v^{\text{MPar}(3)}|), \\ |A \vee B \upharpoonright_v^{\text{MPar}(3)}| &= (|A \upharpoonright_v^{\text{MPar}(3)}| \vee_{\text{MPar}(3)} |B \upharpoonright_v^{\text{MPar}(3)}|), \\ |A \supset B \upharpoonright_v^{\text{MPar}(3)}| &= (|A \upharpoonright_v^{\text{MPar}(3)}| \supset_{\text{MPar}(3)} |B \upharpoonright_v^{\text{MPar}(3)}|), \\ |\neg A \upharpoonright_v^{\text{MPar}(3)}| &= \neg_{\text{MPar}(3)} (|A \upharpoonright_v^{\text{MPar}(3)}|). \end{aligned}$$

Утверждение 1. Для всякой L -формулы A и для всякой $\text{MPar}(3)$ -оценки v верно, что $|A \upharpoonright_v^{\text{MPar}(3)}| \in \{\langle 1,0 \rangle, \langle 1,1 \rangle, \langle 0,0 \rangle, \langle 0,1 \rangle\}$.

Утверждение 1 доказано методом индукции по построению L -формулы.

Определение 1. $\text{MPar}(3)$ -общезначимой L -формулой является такая L -формула A , что для всякой $\text{MPar}(3)$ -оценки v $|A \upharpoonright_v^{\text{MPar}(3)}| \in \{\langle 1,0 \rangle, \langle 1,1 \rangle\}$.

Определение 2. A $\text{MPar}(3)$ -следует из Γ тогда и только тогда, когда A есть L -формула, Γ есть множество L -формул и для всякой $\text{MPar}(3)$ -оценки v верно следующее: если для всякой L -формулы B из Γ $|B \upharpoonright_v^{\text{MPar}(3)}| \in \{\langle 1,0 \rangle, \langle 1,1 \rangle\}$, то $|A \upharpoonright_v^{\text{MPar}(3)}| \in \{\langle 1,0 \rangle, \langle 1,1 \rangle\}$.

Корректны также следующие определение 3, определение 4 и Соглашение .

Определение 3. $\text{Par}(3)$ есть множество всех $\text{MPar}(3)$ -общезначимых L -формул.

Определение 4. Пусть q есть пропозициональная переменная языка L , d есть элемент носителя логической матрицы $\text{MPar}(3)$, v есть $\text{MPar}(3)$ -оценка.

$$[q, d, v] \text{ есть } (v \setminus \{\langle q, v(q) \rangle\}) \cup \{\langle q, d \rangle\}.$$

Ясно, что для всякой пропозициональной переменной q языка L , для всякого элемента d носителя логической матрицы $\text{MPar}(3)$ и для всякой $\text{MPar}(3)$ -оценки v верно, что $[q, d, v]$ есть $\text{MPar}(3)$ -оценка.

Соглашение. $S_B^q(A)$ есть результат подстановки L -формулы B в L -формулу A вместо пропозициональной переменной q языка L .

Нам потребуется нижеследующая лемма, различные модификации которой широко известны.

Лемма. Для всякой L -формулы A , для всякой L -формулы B , для всякой пропозициональной переменной q языка L и для всякой $\text{MPar}(3)$ -оценки v верно, что $|S_B^q(A) \upharpoonright_v^{\text{MPar}(3)}| = |A \upharpoonright_{[q, d, v]}^{\text{MPar}(3)}|$.

Данная лемма доказана методом индукции по построению L -формулы.

Утверждение 2. Для всякой L -формулы A , для всякой L -формулы B и для всякой пропозициональной переменной q языка L : если $A \in \text{Par}(3)$, то $S_B^q(A) \in \text{Par}(3)$.

Утверждение 2 доказано методом от противного с использованием сформулированной выше леммы.

Легко убедиться, что L -формула $p_1 \supset p_1$ принадлежит L -логике $\text{Par}(3)$. Таким образом, верно следующее утверждение 3.

Утверждение 3. $\text{Par}(3) \neq \emptyset$.

Утверждение 4. Для всякой L -формулы A и для всякой L -формулы B : если $A \in \text{Par}(3)$ и $A \supset B \in \text{Par}(3)$, то $B \in \text{Par}(3)$.

Утверждение 4 доказано методом от противного с использованием утверждения 1.

Опираясь на утверждения 2–4 и определение L -логики, получаем, что верно следующее утверждение 5.

Утверждение 5. $\text{Par}(3)$ является L -логикой.

Заметим, что поскольку $\text{MPar}(3)$ есть конечная логическая матрица и $\text{Par}(3)$ есть множество всех $\text{MPar}(3)$ -общезначимых L -формул, то L -логику $\text{Par}(3)$ следует охарактеризовать как табличную L -логику.

Можно доказать следующее утверждение (а).

(с) Существует единственное множество всех таких упорядоченных пар

$\langle q, X \rangle$, что выполняются три условия (a1), (a2) и (a3): (a1) q есть пропозициональная переменная языка L , (a2) если q есть p_1 , то $X = \langle 1, 1 \rangle$, (a3) если q не есть p_1 , то $X = \langle 0, 0 \rangle$.

В свете утверждения (a) ясна корректность определения 5.

Определение 5. $g = \{ \langle q, X \rangle \mid q \text{ есть пропозициональная переменная языка } L; \text{ если } q \text{ есть } p_1, \text{ то } X = \langle 1, 1 \rangle; \text{ если } q \text{ не есть } p_1, \text{ то } X = \langle 0, 0 \rangle \}$.

Очевидно, что g есть $\text{MPar}(3)$ -оценка.

Можно доказать следующее утверждение (b).

(d) Существует единственное множество всех таких упорядоченных пар

$\langle A, X \rangle$, что выполняются три условия (b1), (b2) и (b3): (b1) A есть L -формула, (b2) $X = \mid A \mid_g^{\text{MPar}(3)}$, (b3) $X \in \{ \langle 1, 0 \rangle, \langle 1, 1 \rangle \}$.

В свете утверждения (b) ясна корректность определения 6.

Определение 6. $G = \{ A \mid A \text{ есть } L\text{-формула}; \mid A \mid_g^{\text{MPar}(2)} \in \{ \langle 1, 0 \rangle, \langle 1, 1 \rangle \} \}$.

Применяя определения 1, 3 и 6, получаем, что верно утверждение 6.

Утверждение 6. $\text{Par}(3) \subseteq G$.

Утверждение 7. Для всякой L -формулы A и для всякой L -формулы B : если $A \in G$ и $A \supset B \in G$, то $B \in G$.

Утверждение 7 доказано методом от противного с использованием утверждения 1.

Опираясь на утверждение 7, приходим к выводу о том, что верно следующее утверждение 8.

Утверждение 8. Множество G замкнуто относительно правила *modus ponens* в L .

Утверждение 9. Существует такая L -формула A , что $A \in G$ и $\neg A \in G$.

Доказательство утверждения 9 аналогично данному в [4] доказательству утверждения с тем же номером.

Утверждение 10. Существует такая L -формула A , что $A \notin G$ и $\neg A \notin G$.

Доказательство утверждения 10 аналогично данному в [4] доказательству утверждения с тем же номером.

Утверждение 11. $\text{Par}(3)$ есть паранепротиворечивая L -логика.

Доказательство утверждения 11 аналогично данному в [4] доказательству утверждения с тем же номером.

Утверждение 12. $\text{Par}(3)$ есть параполная L -логика.

Докажем утверждение 12.

(1) G есть теория L -логики $\text{Par}(3)$ (из утверждений 5, 6 и 8, по определению теории L -логики L).

(2) G не является полной теорией L -логики $\text{Par}(3)$ (из утверждения 10, по определению полной теории L -логики L).

(3) A_0 есть L -формула (допущение).

Убеждаемся в том, что

(4) $\mid p_2 \supset A_0 \mid_g^{\text{MPar}(3)} = \mid p_2 \mid_g^{\text{MPar}(3)} \supset_{\text{MPar}(3)} \mid A_0 \mid_g^{\text{MPar}(3)} = g(p_2) \supset_{\text{MPar}(3)} \mid A_0 \mid_g^{\text{MPar}(3)} = \langle 0, 0 \rangle \supset_{\text{MPar}(3)} \mid A_0 \mid_g^{\text{MPar}(3)}$
и (5) $\mid \neg p_2 \supset A_0 \mid_g^{\text{MPar}(3)} = \mid \neg p_2 \mid_g^{\text{MPar}(3)} \supset_{\text{MPar}(3)} \mid A_0 \mid_g^{\text{MPar}(3)} = \neg_{\text{MPar}(3)} (\mid p_2 \mid_g^{\text{MPar}(3)}) \supset_{\text{MPar}(3)} \mid A_0 \mid_g^{\text{MPar}(3)} = \neg_{\text{MPar}(3)} (g(p_2) \supset_{\text{MPar}(3)} \mid A_0 \mid_g^{\text{MPar}(3)}) = \neg_{\text{MPar}(3)} (\langle 0, 0 \rangle \supset_{\text{MPar}(3)} \mid A_0 \mid_g^{\text{MPar}(3)}) = \langle 0, 0 \rangle \supset_{\text{MPar}(3)} \mid A_0 \mid_g^{\text{MPar}(3)}$.

Легко проверить, что $(\star) \langle 0, 0 \rangle \supset_{\text{MPar}(3)} \mid A_0 \mid_g^{\text{MPar}(3)} \in \{ \langle 1, 0 \rangle, \langle 1, 1 \rangle \}$.

Опираясь на утверждения (4), (5), $(\star)$, на определение 6 и на тот факт, что $p_2 \supset A_0$ и $\neg p_2 \supset A_0$ являются L -формулами, получаем, что

(6) L -формулы $p_2 \supset A_0$ и $\neg p_2 \supset A_0$ принадлежат G .

Оставшуюся часть доказательства утверждения 12 можно построить аналогично тому, как построено в [4] часть доказательства (начиная с седьмого шага и до конца) утверждения, имеющего в [4] номер 12.

Опираясь на определение паранормальной L -логики и на утверждения 11 и 12, приходим к выводу о том, что верно следующее утверждение 13.

Утверждение 13. $\text{Par}(3)$ есть паранормальная L -логика.

Можно доказать, что паранормальная L -логика $\text{Par}(3)$ родственна логике Par (определение L -логики L , родственной логике Par , дано в [4]).

Мы анонсируем две теоремы, связывающие L -логику $\text{Par}(3)$ и сконструированное ниже исчисление $\text{HPar}(3)$. Исчисление $\text{HPar}(3)$ является исчислением гильбертовского типа. Язык исчисления $\text{HPar}(3)$ есть L .

Множество всех аксиом этого исчисления есть множество всех тех и только тех L -формул, каждая из которых имеет хотя бы один из следующих восемнадцати видов (здесь A, B и C – L -формулы).

- (II) $(A \supset B) \supset ((B \supset C) \supset (A \supset C))$ (II) $A \supset (A \vee B)$ (III) $B \supset (A \vee B)$
(IV) $(A \supset C) \supset ((B \supset C) \supset ((A \vee B) \supset C))$ (V) $(A \& B) \supset A$ (VI) $(A \& B) \supset B$
(VII) $(C \supset A) \supset ((C \supset B) \supset (C \supset (A \& B)))$ (VIII) $(A \supset (B \supset C)) \supset ((A \& B) \supset C)$
(IX) $((A \& B) \supset C) \supset (A \supset (B \supset C))$ (X) $((A \supset B) \supset A) \supset A$ (XI) $\neg(A \vee B) \supset (\neg A \& \neg B)$
(XII) $(\neg A \& \neg B) \supset \neg(A \vee B)$ (XIII) $\neg(A \& B) \supset (\neg A \vee \neg B)$
(XIV) $(\neg A \vee \neg B) \supset \neg(A \& B)$ (XV) $\neg(A \supset B) \supset ((A \supset B) \supset (B \& \neg B))$
(XVI) $((A \supset B) \supset (B \& \neg B)) \supset \neg(A \supset B)$ (XVII) $\neg\neg A \supset A$, (XVIII) $A \supset \neg\neg A$

Исчисление $\text{HPar}(3)$ имеет единственное правило вывода – правило *modus ponens* в L . Понятия $\text{HPar}(3)$ -вывода L -формулы из множества L -формул и $\text{HPar}(3)$ -доказательства L -формулы определяются обычным для исчисления гильбертовского типа образом. Доказаны следующие теорема 1 и теорема 2.

Теорема 1. Для всякой L -формулы A и для всякого множества Γ

L -формул: A $\text{HPar}(3)$ -следует из Γ тогда и только тогда, когда существует $\text{HPar}(3)$ -вывод A из Γ .

Теорема 2. Для всякой L -формулы A : $A \in \text{Par}(3)$ тогда и только тогда, когда существует $\text{HPar}(3)$ -доказательство L -формулы A .

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 16-0300224-ОГН

Список литературы

- [1] Карпенко А. С. Развитие многозначной логики. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Издательство ЛКИ, 2010.–448 с.
- [2] Попов В. М. Секвенциальные формулировки паранепротиворечивых логических систем//Синтаксические и семантические исследования неэкстенциональных логик. М.: Наука, 1989. с. 285–289.
- [3] Попов В. М. Между Par и множеством всех формул//Шестые Смирновские чтения: материалы Международной научной конференции, Москва, 17–19 июня 2009 г. – М.: Современные тетради, 2009. с. 93–95.
- [4] Попов В. М. О табличной паранормальной логике $\text{Par}(2)$ (в настоящем сборнике).

СЕКЦИЯ №25.

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.08)

ВКЛАД ГЕРБЕРТА СПЕНСЕРА В РАЗРАБОТКУ ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ФИЛОСОФИИ, РЕЛИГИИ И НАУКИ

Ташлыкова Н.Ю.

Московский государственный институт музыки им. А.Г. Шнитке, г. Москва

Ученым разрабатывалась система научного знания, в которой обосновывалась иерархия знаний о мире. Так, например, Спенсер признает психологию автономной наукой, изучающей рефлекс, инстинкты и другие низшие психические функции. По учению Спенсера в человеческой психике есть и априорные элементы, не зависящие от индивидуального опыта. Однако, Спенсер указывает, что априорно для индивида, апостериорно для вида, ибо интеллектуальные достижения унаследованы органическими структурами. В отличие от Канта, Спенсер допускал, что априорные схемы могут быть ошибочными и могут меняться.

Герберт Спенсер не просто эмпирически расширил область психического, но теоретически обосновал предмет психологии. В его теории переплетаются влияния позитивизма, эволюционного подхода и ассоцианизма. Им было пересмотрено понятие души как самодостаточной структуры и введено положение о формировании психики под воздействием внешнего окружения. Само сознание уже трактовалось как отражение внешнего мира. Психологию, которая исследует психофизиологические реакции человека,

ученый называл объективной психологией, а исследования особенностей человеческого поведения, переживания различных жизненных ситуаций, Спенсер называет субъективной психологией.

Ученым отстаивалась позиция, что поведенческие акты обусловлены и внешней средой. Поэтому возможно изучение психических актов как результатов эволюции организма в целом в результате приспособления к среде обитания и борьбы за существование.

Этими утверждениями ученый обосновывал объективность методов исследования психики, анализирующих объекты внешней среды. Потому, что в данной позиции специфика психики не объясняется исключительно сознанием. Им акцентировалась уникальность психологии как науки, связывающей сознание с физической реальностью, законами биологии и физики. Существенно, что Спенсером признавалась процессуальность сознания. Это положение является актуальным для современных нейрофизиологических теорий сознания.

Исследуя роль психики в эволюции человека, в своей обобщающей книге по психологии «Основы психологии» (1870-1872) Спенсер писал о том, что психика является механизмом адаптации к среде. Так в науке появился новый подход к детерминации психики — биологический, пришедший на смену механистическому объяснению. Из этого подхода следует, что психика возникает закономерно на определенном этапе эволюции, в тот момент, когда условия жизни живых существ усложняются настолько, что приспособиться к ним без адекватного их отражения невозможно. Большое значение имел тот факт, что Спенсер изучал генезис психики, исходя из того, что психика человека есть высшая ступень развития, которая появилась не сразу, но постепенно, в процессе усложнения условий жизни и деятельности живых существ. Исходная форма психической жизни — ощущение развилось из раздражимости, а затем из простейших ощущений появились многообразные формы психики, отражающие связанные между собой уровни становления сознания и поведения. Все они являются своеобразными инструментами выживания организма, частными формами адаптации к среде. К таким частным формам приспособления относятся:

сознание	поведение
ощущение	рефлекс
чувства	инстинкт
память	навык
разум	волевое поведение

Говоря о роли каждого этапа, Спенсер подчеркивал, что главное значение разума в том, что он лишен тех ограничений, которые присущи низшим формам психики, и потому обеспечивает наиболее адекватное приспособление индивида к среде. Эта идея о связи психики, главным образом интеллекта, с адаптацией стала ведущей для психологии в начале XX в.

Спенсер также утверждал, что психическое развитие надо рассматривать с точки зрения принципов дифференциации и интеграции, показывая, как из отдельных психических качеств, которые даны ребенку от рождения, формируется психика взрослого человека. Впоследствии этот подход был реализован в теории Селли.

Спенсер распространил законы эволюции не только на психику, но и на социальную жизнь, сформулировав органическую теорию общества. Он говорил о том, что человеку необходимо приспособляться не только к природе, но и к социальному окружению, поэтому его психика развивается вместе с обществом. Он одним из первых психологов сравнил психологию дикаря и современного человека и сделал вывод о том, что у современного человека по сравнению с дикарями сильнее развито мышление, в то время как у первобытных людей было больше развито восприятие. Эти выводы в то время были достаточно нетрадиционны и принципиальны, они позволили ученым разработать сравнительные методы психических исследований, которые получили широкое распространение. Анализируя разницу в психическом развитии людей, принадлежащих к разным народам и живущих в разное время, Спенсер отказался от прежних взглядов ассоцианизма на прижизненность формирования знаний. Он писал, что наиболее часто повторяющиеся ассоциации не исчезают, но закрепляются в мозге человека и передаются по наследству, таким образом, сознание не чистый лист. Эти врожденные ассоциации и определяют разницу между мозгом европейца и туземца, разницу между сознанием разных народов.

Теория Спенсера получила признание среди психологов, оказала огромное влияние на дальнейшее развитие психологии, прежде всего на усиление ее связи с естествознанием и поиски объективного метода, и способствовала созданию экспериментальной психологии.

Спенсер, как справедливо отметил И.М.Сеченов, вывел психологию «из поля сознания в поле поведения» [1, с.7]. Это не только расширяло область ее исследований, но позволяло использовать эксперимент, объективную проверку полученных фактов. Такое понимание предмета давало основания сказать, что психология из науки о сознании трансформируется в науку о познавательных процессах. Им различались основания научного, философского и религиозного знания. Эти области, по Спенсеру, могут успешно дополнять друг друга и создавать общее поле разных сфер знания.

На сегодняшний день проблема соотношения бессознательного и сознания является наиболее острой как в психологии, так и в нейрофизиологии. Сознание сегодня становится предметом изучения даже физики.

Какова же функция философии в системе Спенсера? В «Основных началах» он определяет философию как «познание на ступени максимального обобщения». «Истины философии соотносятся с каждой из высоких истин науки так же, как каждая из них соотносится с самой скромной из научных истин. Как каждое обобщение науки консолидирует более узкие обобщения собственного раздела, так философские обобщения консолидируют широкие обобщения науки...Наука — частично унифицированное познание, философия — полностью унифицированное познание», — заключает Спенсер». [3, с. 211] Философия — наука о первопринципах, в ней процесс унификации познания доведен до предела.

Понимая разветвленность и специфичной каждой из отраслей науки, ученый указывал, что в науке положения не могут быть унифицированы так же как в философии, даже когда в процессе унификации они логически организованы на основе фундаментального принципа механики, молекулярной физики и т.п.

Философия, по Спенсеру, должна признать материалистические принципы, к которым пришла наука: неуничтожимости материи, непрерывности движения, силового сопротивления. Это основания всех естественных наук. По-видимому, знания биологии, физики, химии ученый ценил больше, чем знания математики или филологии.

Понятно, что ученый хотел максимально сблизить сам предмет науки и философии. Но в том, то и дело, что эти предметы сблизить нельзя. У философии «ненаучный предмет». Существует сама проблема предмета философии. Спенсером была сделана попытка позитивистски разрешить ее, признав предметом только то, что может быть определено, может быть выделено как объект. В качестве такого объекта им обосновывается закон общего изменения, поскольку абсолютного покоя не существует. А закон всеобщего изменения он называет — эволюцией.

В 1860 годом у него родилась идея написать труд, в котором будут объединены положения естественных наук и философии. И в 1862 году Спенсер издает труд под названием «Основные начала», в котором история Вселенной трактуется как нарастающее прогрессивное движение, объясняемое законами эволюции.

В первой главе «Основных начал» осмысляется деликатный вопрос соотношения научных и религиозных положений. Ученому удается найти компромисс в этом вопросе, признав, что в научном сообществе нет убежденности в полной победе науки над реальностью, что все тайны природы будут открыты. Это положение имеет что-то общее с религиозным положением о непознаваемости божественного мира. Конечно, в противоположность религиозным догматам, ученые очень хотят открыть все тайны мира, например, тайну человеческого сознания. И объясняют свои пока скромные познания исключительно сложностью человеческого мозга, а не принципиальной неспособностью человека познавать мир. Излагая свои мысли, он пишет: «Любая религиозная теория — это априорная теория универсума, и все они, невзирая на особые догмы, признают, что мир вкуче со всем, что внутри и вокруг него, есть тайна, требующая объяснения, и что сила, которую удостоверяет собой вселенная, до конца непостижима.... Лучше кого бы то ни было ученый знает, что бытие не познаваемо в его последней сущности» [3, с.209]. Это положение требует большого комментария, поскольку тут появляется проблема уровней познаваемости: почему что-то познаваемо, а что-то нет? Только на этих положениях религия и наука соприкасаются: есть что-то неизвестное. Для религии принципиально непознаваемое, для науки бескрайнее «море» непознаваемого.

Им обосновывается, что наука и религия совместимы, ибо обе признают абсолют и безусловное. Однако «если задача религии — в том, чтобы поддерживать смысл тайны, то задача науки — все дальше расширять познание относительного. Если религия ошибается, представляя себя как позитивное познание непознаваемого, наука ошибается, пытаясь включить непознаваемое в позитивное познание». [3, с. 209]

Мысль Спенсера концентрируется вокруг «положительного знания», получившего название «позитивизм». Религия и наука, по Спенсеру, суть «два полюса мысли — позитивный и негативный»:

интенсивность одного возрастает не иначе, как с ростом интенсивности другого. «Если заслуга религии в неустанном стремлении к последней истине, то именно наука, — замечает Спенсер, — постоянно помогала и вынуждала религию очиститься от нерелигиозных элементов, например, анимистических и магических». [3, с. 210] Со временем, впрочем, и та и другая уяснят свои задачи и перестанут враждовать.

Список литературы

1. Марцинковская Т. История психологии. М.: Академия, 2001.
2. Осипов Г. История социологии в Западной Европе и США. М.: Норма, 2001.
3. Реале Д., Антисери Д.. Западная философия от истоков до наших дней. Том 4. От романтизма до наших дней. - ТОО ТК "Петрополис", Санкт-Петербург, 1997.
4. Спенсер Г. Воспитание умственное, нравственное и физическое. Санкт-Петербург: В.И. Губинский, 1906
5. Спенсер Г. Классификация наук [Пер. с англ. Н. Н. Спиридонова] М.: Вуз.кн., 2001.
6. Спенсер Г. Личность и государство; Пер. М.Н. Тимофеевой; Санкт-Петербург, 1908.
7. Спенсер Г. Многожество и многоженство: Москва: URSS, 2007.
8. Спенсер Г. Неисповедимые тайны жизни: факты и комментарии пер. с англ. В. Л. Ранцова. Москва: URSS, 2007.
9. Спенсер Г. Основные начала. Санкт-Петербург: Л.Ф. Пантелеев, 1897
10. Спенсер Г. Социология, как предмет изучения. Санкт-Петербург: тип. А. Якобсона насл., 1896.
11. Спенсер Г. Эволюционная философия. Москва: тип.т-ва И.Д. Сытина, 1911
12. Спенсер Г. Этика половых отношений. Москва: типо-лит. А.П. Поплавского, 1902
13. Спенсер Г. Социальная статистика: Санкт-Петербург: В. Врублевский, 1906.

СЕКЦИЯ №26.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.11)

СЕКЦИЯ №27.

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.13)

ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2018 ГОД

Январь 2018г.

Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы общественных наук в современных условиях развития страны**», г. **Санкт-Петербург**

Прием статей для публикации: до 1 января 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 февраля 2018г.

Февраль 2018г.

Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы общественных наук в России и за рубежом**», г. **Новосибирск**

Прием статей для публикации: до 1 февраля 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 марта 2018г.

Март 2018г.

Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы современных общественных наук**», г. **Екатеринбург**

Прием статей для публикации: до 1 марта 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 апреля 2018г.

Апрель 2018г.

Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы и достижения в общественных науках**», г. **Самара**

Прием статей для публикации: до 1 апреля 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 мая 2018г.

Май 2018г.

Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы и перспективы развития общественных наук**», г. **Омск**

Прием статей для публикации: до 1 мая 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июня 2018г.

Июнь 2018г.

Международная научно-практическая конференция «**Современные проблемы общественных наук в мире**», г. **Казань**

Прием статей для публикации: до 1 июня 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июля 2018г.

Июль 2018г.

Международная научно-практическая конференция «**О вопросах и проблемах современных общественных наук**», г. **Челябинск**

Прием статей для публикации: до 1 июля 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 августа 2018г.

Август 2018г.

Международная научно-практическая конференция **«Новые тенденции развития общественных наук», г. Ростов-на-Дону**

Прием статей для публикации: до 1 августа 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 сентября 2018г.

Сентябрь 2018г.

Международная научно-практическая конференция **«Общественные науки в современном мире», г. Уфа**

Прием статей для публикации: до 1 сентября 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 октября 2018г.

Октябрь 2018г.

Международная научно-практическая конференция **«Основные проблемы общественных наук», г. Волгоград**

Прием статей для публикации: до 1 октября 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 ноября 2018г.

Ноябрь 2018г.

Международная научно-практическая конференция **«Общественные науки: вопросы и тенденции развития», г. Красноярск**

Прием статей для публикации: до 1 ноября 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 декабря 2018г.

Декабрь 2018г.

Международная научно-практическая конференция **«Перспективы развития современных общественных наук», г. Воронеж**

Прием статей для публикации: до 1 декабря 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 января 2019г.

С более подробной информацией о международных научно-практических конференциях можно ознакомиться на официальном сайте Инновационного центра развития образования и науки www.izron.ru (раздел «Общественные науки»).

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

**Современные проблемы общественных наук
в мире**

Выпуск V

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(11 июня 2018 г.)**

г. Казань

2018 г.

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка авторская

Издатель Инновационный центр развития образования и науки
(ИЦРОН), г. Нижний Новгород

Подписано в печать 10.06.2018.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 2,9.
Тираж 250 экз. Заказ № 066.

Отпечатано по заказу ИЦРОН в ООО «Ареал»
603000, г. Нижний Новгород, ул. Студеная, д. 58.